

С. БЕЛЯЕВ

Десятая планета

ДЕТГИЗ 1945

БИБЛИОТЕЧКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

С. БЕЛЯЕВ

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

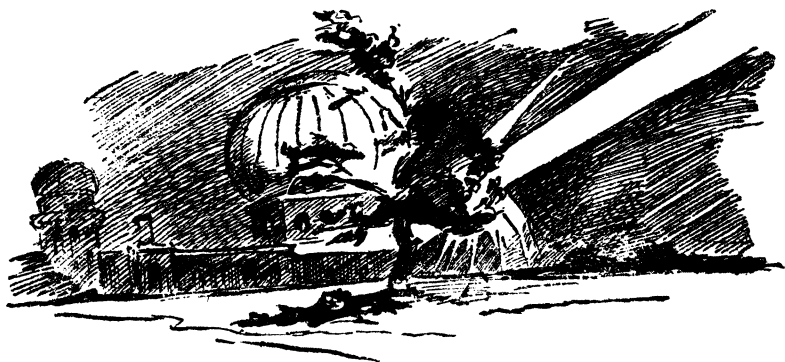

Рисунки А. Мирошкина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит присылать свои
отзывы по адресу: Москва, Малый Чер-
касский пер., д. 1, Детгиз.*

I

Двадцатого октября 1956 года к вечеру погода окончательно испортилась. Над зданиями Главного астрономического института нависли серые низкие облака. Холодная изморось легким полупрозрачным туманом стояла за окнами директорского кабинета.

Михаил Сергеевич позвонил домой, чтобы его не ждали к ужину, мягко положил трубку и подошел к окну. Он слышал сердитые завывания осеннего ветра, несшиеся со взморья. Туман сгушался. Несколько дождевых капель ударили в стекло и лениво поползли влажными струйками.

Михаил Сергеевич аккуратно задернул тяжелые бархатные портьеры на обоих окнах кабинета.

Сегодня он решил поработать здесь.

Было заведено, что ровно в 23.45 дежурный ассистент, войдя в кабинет, докладывает, что подано авто.

Этого порядка Михаил Сергеевич держался уже семь лет и гордился этим, считая, что педантичность в житейских мелочах особенно нужна ему, чьи астрономические вычисления всегда вызвали изумление и восторг изящной четкостью формул.

Потолок с массивной бронзовой люстрой скрывался в полумраке, и лишь приятный свет настольной лампы

освещал письменный прибор и серебряный бювар с надписью:

Дорогому другу и учителю директору ГАИ, академику М. С. Солнцеву от любящих учеников и сотоварищей по работе. 1 мая 1952 г.

Академик любил работать вечерами за этим столом, когда хлопотливые директорские обязанности за день выполнены, когда за окнами шуршит дождь, а в кабинете все знакомо, привычно, уютно и любимая работа с особой силой зовет к себе.

Академик опустил в кресло и нажал кнопку. Открылась дверь, и тонкая фигура девушки показалась на пороге.

— Звали, Михаил Сергеевич?

— Да, — ответил академик, стараясь разглядеть лицо девушки.

Мягко ступая по пушистому ковру, она приблизилась к столу.

— А, — приветливо сказал академик, — сегодня дежурный ассистент вы, Татьяна Юрьевна? Мой телефон переведите к себе. Я буду работать, как всегда, до без четверти двенадцать. Кто дежурный в вестибюле?

— Вахтер Яковлев...

— Скажите ему, чтоб ко мне никого не пропускать. Если что-нибудь важное, то пусть он сначала позвонит вам, а вы уж сами разберитесь. Если позвонит из Физического института Ларион Петрович, то соедините со мной немедленно.

— Слушаю, Михаил Сергеевич.

— Кажется, все... Ах, да... Если у вас на плитке вскипел чайник, то, пожалуйста, принесите, благодетельница, чашку чая...

— С удовольствием, — улыбнулась ассистентка.

Если Солнцев назвал «благодетельницей», то, значить, он в хорошем настроении и дежурство обещает быть спокойным. А то бывает, что Солнцев вдруг среди ночи даст срочное задание, перебудит всех дежурных, усадит за сложные вычисления, и потом наутро в ГАИ начнутся шуточные разговоры, что «начальство изволило капризничать».

Через минуту чашка чая, от которой шел ароматный пар, была поставлена на стол. Академик поблагодарил ассистентку и добавил:

— Я могу заработать и забыть. Поэтому, как всегда, войдите сюда ровно в двадцать три сорок пять и напомните.

— Будьте покойны, Михаил Сергеевич. Точно в двадцать три сорок пять.

Академик кивком головы отпустил ассистентку. Она бесшумно вышла, плотно затворив за собою тяжелую дубовую дверь.

Академик Солнцев любил астрономию и гордился тем, что она старше всех остальных естественных наук. В школьные годы рассказ учителя о строении вселенной произвел на Михаила Сергеевича потрясающее впечатление, а в университетскую обсерваторию, где находился телескоп, он впервые вошел с чувством благоговения. Теперь, когда его работы о строении, движении и развитии звездных систем получили всеобщее признание, он считал своей обязанностью делиться знаниями с молодежью. Он неустанно повторял в популярных книгах, что знакомство с астрономией обязательно для каждого, кто хочет расширить свой умственный кругозор и уяснить себе положение человека во вселенной.

Сегодня академику надо было написать для популярного журнала очерк «Что мы знаем о солнечной системе?» Ему хотелось начать заочную беседу с молодежью возможно теплее и оригинальнее. Он знал чарующую силу поэтических строф, и книги любимых стихов всегда были у него под рукой. Развернув книгу чешского поэта Болеслава Лячненка, он прочитал строчки, которые ему нравились:

Я — мечтатель. Отлично помню, как однажды

Увидал я город, которого достигнуть

Желал я долго, страстно...

В долине он лежал, таинственный и скрытый.

Но башен острия внезапно

Блеснули предо мной вдали

Сквозь облака, разорванные солнцем.

Туман сгустился снова скоро,

И город, тьмой объятый, вдруг

Исчез навеки.

Прощай! Я рад, что хоть на миг

Увидел я тебя.

Академик вздохнул, начал писать и скоро всецело погрузился в работу. Он писал, что науке известно девять больших планет и около двух тысяч малых, называемых астероидами. Все эти небесные тела вращаются в ту же сторону, в какую вращается Солнце.

«Размеры планет, — писал ученый, — ничтожно малы в сравнении с Солнцем и расстояниями, которые их разделяют. Представим себе наше Солнце уменьшенным до размеров вишни. Тогда наши планеты оказались бы мельчайшими пылинками. Пылинку-Землю пришлось бы поместить от вишни-Солнца на расстоянии метра, а пылинку — девятую планету Плутон на 40 метров. Если мы захотим в том же масштабе показать расстояние от Солнца до ближайшей звезды, то вторую вишню нам придется поместить на расстоянии 270 километров от первой...»

Погрузившись в свои мысли, академик не сразу сообразил, что за окном слышатся какие-то странные звуки: как будто джаз, настраивая инструменты, приближается к самым стеклам.

— Что такое? — пробормотал академик.

Сунув карандаш в карман, он шагнул к окну и раздвинул портьеры. Густая тьма казалась черной, будто стекла нарочно замазали чернилами. Академик приблизил лицо к холодному стеклу. В то же мгновение ослепительный свет, как молниеносный бриллиантовый поток метеоров, на секунду озарил то, что было скрыто непроглядной тьмой.

Как в солнечный полдень, совершенно ясно увидел академик знакомый институтский двор и величественное здание обсерватории с широким куполом, вершины оголенных деревьев и внизу за ними неповторимые очертания родного города. Тут же, под самым окном, увидел он влажный асфальт площадки, часть подъезда и зеленоватый силуэт маленькой сигарообразной автомашины. И снова все погрузилось во тьму. Ошеломленный неожиданностью, академик отшатнулся и закрыл портьеры. Он сделал усилие, чтобы овладеть собой, и медленно расправил странно застывшие пальцы. Хронометр показывал одиннадцать часов сорок четыре минуты.

За спиной академика растворилась дверь, и кто-то вошел в кабинет.

— Это вы, Татьяна Юрьевна? — спросил академик, не оборачиваясь. Он был еще во власти пережитого волнения.

— Нет. Это я, — ответил незнакомый голос.

Академик быстро обернулся.

— Кто? Кто вы?

В полумраке кабинета, слабым контуром вырисовываясь на фоне двери, стоял стройный, высокий человек.

II

— Простите, — произнес вошедший вежливо. — Здесь ужасно темно. Немудрено, что вы меня не узнали, Михаил Сергеевич. Это я, Юра...

Вероятно, человек повернул выключатель, потому что свет люстры озарил кабинет и красивые отсветы заиграли на шкафах красного дерева и на гравюрах.

— Я Юра, ваш ученик... Добрый вечер, — поклонился человек и улыбнулся молодой конфузливой улыбкой.

Академик раскрыл руки в широком приветственном жесте.

— Юрочка? — воскликнул он. — Вы? Юрий Кичигин? Лучший из моего аспирантского созвездия 1941 года?

Они обменялись крепким рукопожатием. Академик, взволнованный неожиданным визитом, суетился, не зная, куда лучше усадить дорогого гостя.

— Каким образом? Сразу, как космический вихрь! А, признаться, я вас и любил за ваши порывы. Мне всегда казалось, что ваш жизненный путь описывает очень интересную параболу в пространстве и времени. Ну, милый Юриссимус, садитесь в кресло и повествуйте. Как вы молодо выглядите, удивительно...

Да, Юра совсем не изменился. На его таком милом и знакомом лице не было ни одной морщинки. У Юры был такой же, как и раньше, безукоризненный пробор, крахмальный воротничок был повязан тем же синеватым галстуком в полоску, а серый изящный костюм был давно знаком академику.

Юра самым вежливым образом подождал, пока академик первый опустился в глубокое кожаное кресло около шкафа, и потом тоже сел.

Академик видел, что темные глаза Юры смотрят на него с каким-то особым выражением надежды и просьбы, и произнес:

— Повествуйте...

Юра поправил галстук.

— Меня привело сюда чрезвычайное обстоятельство. Я к вам с большой просьбой...

Академик нетерпеливо повернулся в кресле.

— Любую вашу просьбу выполню, но сначала расскажите, где вы пропадали. Только подумать!.. Я с Кичигиным вожусь как с будущим преемником по кафедре. За сочинение по теории звездных потоков Кичигин получает золотую медаль. Вдруг мысли Кичигина начинают описывать какую-то сложнейшую параболу, и он придумывает новую гипотезу происхождения планетной системы. А потом, разбив вдребезги теории Джинса, Ресселя и Эдингтона, Кичигин вдруг внезапно исчезает, даже толком не объяснив никому куда... То ли на Памир, то ли в Тибет...

— Я все время был на Алтае, — скромно ответил Юра.

— Хорош, нечего сказать! — усмехнулся академик. — В отшельники записался? В мечтатели? А я без вас тут, как без правой руки. Надо было восстанавливать обсерваторию. Проклятая немчура подсобные помещения взорвала, инструментарий разграбила... И такие негодяи — библиотечными документами печки топили!.. В здании, где ваша лаборатория была, помните, рядом с меридианным кругом, гитлеровские обезьяны, чорт их побери, устроили не то свинарник, не то конюшню...

— Знаю, — отозвался Юра.

— Но мы за эти годы времени не теряли. Завтра покажу вам, чего мы тут настроили. Ахнете...

— Я ведь тоже строил, только в другом месте. О моей поездке на Алтай я не имел тогда права особенно распространяться. Алтайская высокогорная обсерватория построена мною. Вы, конечно, читали мои статьи... Профессор Кричигин...

— Что? — изумился академик. — Кричигин? Переменили фамилию?

— Да. Вернее, уточнил правописание, исправил ошибку паспортиста. Мой отец носил фамилию Кричигин.

Только после войны я узнал о его геройской смерти на фронте, и я... вы понимаете...

Полузакрыв глаза, академик вспоминал:

— Да, да... Я статьи ваши читал, но не одобрил. Вы не только мечтатель — вы фантазер. Вижу, вы сейчас мне скажете, как и тогда, на экзамене, что в каждой гипотезе имеется элемент фантазии. Элемент, благодетель, а не основа. Нюанс, а не корень!.. Ну, да ладно, теперь слушаю вас, профессор.

Академик превратился во внимательного слушателя. Юра заговорил несколько взволнованно:

— Время страшно дорого, я очень спешил к вам и поэтому буду краток. Я не видался с вами ровно пятнадцать лет. Вы тоже, дорогой учитель, ничуть не изменились.

— Э, — отозвался академик, — мне накануне следующего новолуния стукнет шестьдесят первый. А вам, простите, сколько?

— Тридцать пятый... Вы правы, Михаил Сергеевич, за последние годы жизнь моя описала не столько, пожалуй, параболу, сколько довольно сложную замкнутую кривую второго порядка, если выражаться математически. Я увлекся происхождением планетной системы и нашел возможным объяснить всё исключительно внутренними процессами, происходившими в солнечном ядре, когда этот желтый карлик был пульсирующим гигантом, подобным любой из Цефеид. Но моя замкнутая, естественно, пошла к противоположной точке...

— К полюре? — счел необходимым вставить академик. Разговор начинал ему нравиться. Он любил математическую образность в речах астрономов.

— Совершенно верно. Когда грозные статьи профессоров из обсерватории Маунт-Вилсон разнесли меня в пух и прах, я не успокоился, даже не обиделся. Я стал искать новых доказательств своей правоты. Пришлось на Алтае засесть за проверку законов небесной механики.

— О! — развел руками академик. — Вы что же, на самого Ньютона восстали? Против закона всемирного тяготения? Ну, знаете... Впрочем, продолжайте... Я сейчас с вами разделаюсь...

Юра слегка пожал плечами:

— Пожалуйста... Тщательное углубление в законы, которые нам кажутся вечными, убедило меня, что гений Ньютона прав на отрезок времени, исчисляемый лишь сотней миллионов лет. Впрочем, главное не в этом. Скажу только, что некоторые плодотворные мысли у меня явились, когда законы небесной механики я начал прилагать к физике атома. Это позволило мне теперь притти и к некоторым практическим выводам...

— Гм! Конкретно? — буркнул академик. — Интересная поляра, — добавил он насмешливо.

— Вы знаете, что в астрономии есть несколько случаев, когда движения светил, вычисленные совершенно точно по правилам классической небесной механики, не совпадают с данными точнейших же наблюдений. Не совпадают... Возьмем известную комету Энке. Изменения в ее движении загадочны. Почему?

— А вы не знаете? — засмеялся академик, чувствуя легкое раздражение. — Потрудитесь взять вот из этого шкафа, третья полка слева, астрономический календарь и посмотрите. Там черным по белому напечатаны поправки к вычислениям...

— Я помню все поправки наизусть, — усмехнулся и Юра. — Но мне думается, что цифры поправок являются лишь отражением неизвестного пока физического факта, который мы обязаны узнать.

— Ага, — с деланным мрачным спокойствием произнес академик, вынимая носовой платок и вытирая внезапно вспотевший лоб. — Вы, Юрочка, еретик! Сейчас вы мне напомните планету Меркурий...

— Да, — кивнул головой Юра. — Почему эллипс, по которому движется Меркурий, ближайшая к Солнцу планета, поворачивается на большой оси слишком быстро? Почему каждый год надо делать бесконечные поправки? Ну да, все полагают или полагали, что это ускорение вызывается притяжением неизвестной планеты, еще более близкой к Солнцу, чем Меркурий. Но даже тридцать тысяч фотоснимков обсерваторий всего мира не обнаружили ни малейшего намека на такую планету. Сотни астрономов обшарили телескопами всю небесную сферу и нигде не нашли. Они и не могли найти ее...

— Потому что ее не существует, — окончательно раздражаясь, пробурчал академик.

— Совсем не потому, — деликатно возразил Юра. — Десятая большая планета в нашей солнечной системе существует.

III

Этого академик не мог выдержать. Он вскочил с кресла.

— Да вы что, смеетесь надо мною? Каждый школьник знает, что вокруг Солнца обращается девять больших планет. Девять, уважаемый профессор!

И он стал считать по пальцам:

— Меркурий — раз... Венера — два... Вот эта-с планета, на которой мы сейчас стоим... — в раздражении академик даже потопал правой ногой по пушистому текинскому ковру, — Земля — три... Марс... Юпитер... Сатурн... Уран... Нептун и, наконец, — и академик загнул девятый палец, — Плутон — девятый! То есть девятая... — Он чуть ли не к самому носу Юры протянул руки с загнутыми пальцами. Лишь большой палец левой руки остался незагнутым и теперь довольно вызывающе торчал кверху.

Юра даже не улыбнулся. Он тоже протянул академику оттопыренный палец правой руки и постукал по нему кончиком указательного левой:

— Вот она самая и есть... десятая...

— Так-с, — стараясь успокоиться и что-то соображая, сказал академик.

Он пошарил по карманам, вынул очешник и надел очки, которые надевал только в торжественные минуты ожесточенных научных диспутов. Он поглядел на Юру. Теперь через стекла лица Юры показалось ему несколько располневшим. Он заложил руки за спину и задал деловой вопрос тоном человека, решившегося ничему больше не удивляться:

— Десятая? Орбита ее внутри орбиты Меркурия?

— Нет.

— Десятая... за Плутоном?

— Нет.

— Тогда скажите основные данные вашей десятой.

Академик сказал это холодным тоном экзаминатора и пошевелил пальцами, ощупывая в кармане карандаш и ожидая момента, когда со спокойной совестью можно будет поставить Юре если не нуль, то жирную единицу.

Юра встал перед учителем и уверенным тоном десятиклассника, вынужденного счастливым билетом, заговорил:

— Среднее расстояние Десятой от Солнца сто сорок девять миллионов пятьсот тысяч километров. Скорость движения по орбите двадцать девять и семьдесят пять сотых километра в секунду. Масса Десятой примерно в триста тридцать тысяч раз меньше массы Солнца...

Лицо академика то бледнело, то краснело. Он еле сдерживал себя.

— Довольно! — прервал он. — Вы, вероятно, ослышались. Я спрашиваю о данных вашей десятой планеты, а вы мне лепечете всем известные данные о Земле. Ну, скажите еще, что Десятая движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце; что она обращается вокруг него в течение трехсот шестидесяти пяти дней пяти часов сорока восьми минут и сорока шести секунд... Скажите, я поставлю вам единицу и выгоню вон отсюда.

Юра видел, что нижняя челюсть академика затряслась от смятения, и скромно потупил глаза.

— Я не могу пока утверждать продолжительности тропического года Десятой, так как не знаю скорости ее вращения вокруг оси. Но можно предполагать, что данные этого вращения примерно те же, что изволили сказать вы. Самое важное то, что Десятая обращается вокруг Солнца по той же самой орбите, что и наша Земля... — И, как бы для большей убедительности, Юра без всякой насмешки постучал каблуком по ковру, сохраняя на лице бесстрашие ученого, которого даже под дулом револьвера никому не удастся разубедить, что единица, умноженная на единицу, равняется единице.

Очки академика сами собой всползли ему на лоб. Он крикнул:

— Вторая Земля?

— Да, — ответил Юра. — Десятая есть точный дублет нашей Третьей.

IV

Академик молча подошел к столу и взял чашку с чаем. Ему захотелось вылить содержимое чашки себе на голову. Но он жадно выпил чай, оказавшийся холодным, как

Юра встал перед учителем и уверенным тоном десятиклассника, вынувшего счастливый билет, заговорил.

вода из-под крана. Это освежило академика. Он осторожно поставил чашку на блюдце и обернулся.

Юра сидел на ручке кресла, положив ногу на ногу, и говорил:

— Я вовсе не шучу... Извините, если я сказал вам что-нибудь неприятное... Но уверяю, мои вычисления совершенно точны... Правда, Десятую нельзя наблюдать с Земли. Я объясню почему. Представьте себе, Михаил Сергеевич, что по одной и той же орбите вокруг Солнца обращаются две в основном примерно одинаковые планеты: Земля и ее дублет — Десятая. В каждый момент передвижения они находятся на противоположных точках орбиты. Так как поперечник каждой из этих планет в сто девять раз меньше поперечника Солнца, то самый простой геометрический чертеж скажет вам, что они друг для друга невидимы...

Академик попятился от Юры и машинально сел на край стола.

Юра продолжал невозмутимо:

— Вообразите: два крохотных шарика вращаются на штанге вокруг огромного шара, а мы с вами, чуточные, величиной в тысячи раз меньше самого маленького микроба, находимся на одном из шариков... Сможем ли мы увидеть когда-либо противоположный шарик, скрытый за огромным шаром?

Академик утвердительно закивал головой:

— Два маковых зерна, обращающиеся вокруг крупной мичуринской вишни?

— Вот именно, — обрадованно засмеялся Юра. — Или еще лучше — два электрона вокруг ядра гелия. Совершенно реально...

Брови академика нахмурились:

— Утверждаемую вами «реальность» — беру ее в кавычки — мы сейчас проверим единственно правильным способом: математически. Пишите задачу: «Вычислить истинное положение Меркурия...»

Юра достал блокнот, стряхнул карманное перо и приготовился писать. Академик диктовал:

— «...Мер-ку-рия на двадцатое октября 1956 года по звездному времени двенадцать часов...» Напоминаю: дуга попятного движения двенадцать градусов. Вычисляйте с учетом существования вашей Десятой...

Юра начал вычисление и вскоре подал своему учителю исписанную страничку блокнота.

— Гм! Проверим, — недоверчиво произнес академик, вынув из кармана пиджака логарифмическую линейку.

Привычным взглядом он просмотрел записи Юры, прикинул по линейке, потом подбежал к шкафу и выдернул из стопки томов книгу. Торопливо перелистал и почти в изнеможении прошептал:

— Верно.

Книга выпала из его внезапно ослабевших пальцев.

Юра поднял книгу и поставил ее на прежнее место в шкафу.

— Благодарю вас, Михаил Сергеевич... — сказал Юра. — Я давно хотел обратиться к вам, но несколько побаивался. Вы очень строги. Решение мое прибыть к вам созрело сегодня вечером... Я был уверен, что вы отлично разберетесь в моем открытии. Но я бы просил вас убедиться окончательно.

— Чего вы от меня хотите? — спросил академик, совершенно ошеломленный.

— Я бы просил вас сейчас же посмотреть... удостовериться... Может быть, вы согласитесь проехать со мной?

Юра сказал еще что-то, но академик недослышал. Он был слишком погружен в мысли, которые нахлынули на него.

«Это, во всяком случае, что-то интересное. Разве можно отказать ему? Вероятно, приглашает к себе посмотреть его материалы... Неужели он сделал такое удивительное открытие? Поеду. Кстати, авто у подъезда...»

— Согласен, — сказал академик, забыв все на свете. — Отправляемся.

Предупредительно раскрыв дверь, Юра пропустил ученого вперед.

Академик прошел мимо вахтера, тихо посапывавшего в полуосвещенном вестибюле. Сильная рука Юры поддерживала ученого, когда он перешагнул через порог парадной двери, бесшумно распахнувшейся перед ними.

V

Ночь была прохладна и странно тиха. Академик увидел глубокое чистое осеннее небо, усеянное звездами. Ковш Большой Медведицы висел на севере — вправо и вниз от Полярной звезды. Выше блистала пятизвездная Кассиопея, а созвездия Лебедь и Орел выделялись почти в зените. Дождь перестал, и со взморья тянуло приятной свежестью. В неверном отсвете знакомых звезд академик быстро спустился по влажным ступенькам подъезда. Он слышал, как Юра открыл дверцу авто.

— Располагайтесь поудобнее, — услышал он голос Юры.

Нашупав рукой мягкое сиденье, академик уселся и откинулся головою на подушку. Юра занял место шофера. Зажглась крохотная лампочка, как голубая звездочка, и этот миниатюрный светлячок позволил академику разглядеть небольшую кабинку, распределительный щиток и широкую спину Юры...

Академик перебирал в памяти малейшие детали разговора о Десятой. Он прикидывал в уме, какие дальнейшие выводы придется сделать, если и остальные вычисления Юры окажутся точными. В этот момент он вспомнил, что не предупредил о своем уходе Татьяну Юрьевну, не позвонил домой и забыл надеть шляпу и пальто...

— Двигаемся, — услышал он задорный голос Юры.

— Хорошо-с, — пробормотал академик, — но шляпа!

Однако ужасный свист и грохот ударили такими потрясающими аккордами, что, конечно, Юра не услышал жалобы о забытой шляпе. Академику показалось, что изпод него выдернули сиденье. Он плотно закрыл глаза не столько от ужаса, сколько от неожиданности...

VI

Потрясающий джаз смолк так же мгновенно, как начался. Академик открыл глаза.

За окнами кабины играл ясный, прозрачный день. Изумительная темносиняя, почти фиолетовая, усеянная странно прекрасными звездами, расстилалась бесконечная даль.

Поморгав, академик мог только выговорить:

— Где мы?

И сейчас же увидел улыбающееся лицо обернувшегося Юры:

— С вашего разрешения — на межпланетном такси.

— Куда?

— На Десятую.

— На планету? — спросил потрясенный академик, чувствуя странную легкость в своем теле. Но это был последний приступ изумления. Он уже не мог спорить против очевидных фактов.

Если все календари мира отчаянно врут, то астрономические ежегодники были вне всяких подозрений. Они всегда честно указывали пределы возможных математических ошибок с точностью до одной десятичной. Невозможно было отрицать, что Юра, учтя только силу притяжения своей Десятой, смог блестяще вычислить точное положение этого проклятого Меркурия. Цифры ежегодника подтвердили выводы Юры.

А сейчас Юра мчится в пространстве со скоростью, которой не может определить академик. Вокруг пустота, и, кроме неподвижных звезд, не видно ни одного предмета, по которому можно было бы ориентироваться.

— На Десятую планету, — с довольным видом кивнул Юра. — Реальность ее я хочу доказать гораздо более убедительным способом, чем математически. Ведь существуют алгебраические действия, благодаря которым можно доказать, что дважды два не четыре, а пять, что сумма углов треугольника вовсе не равна двум прямым...

— Терпеть не могу арифметических софизмов, — поморщился академик. — Занимательность необязательна в нашей ситуации...

— Совершенно согласен, Михаил Сергеевич. Полагаю, что нам именно и надо применить способ личного знакомства с планетой. Мы нанесем визит Десятой, и реальность ее будет доказана неопровержимо.

— Вам надо было запастись фотоаппаратом или, лучше, портативным аппаратом для киносъемок с достаточным запасом пленки, — заметил академик. — Свидетеля беспристрастнее фото не найти...

— Сказать по правде, — живо заговорил Юра, отвлекшись на минуту от передвижения каких-то рычажков на распределительном щитке, — я думал об этом. Но, признаюсь, не очень-то доверяю фото. Можно снять маленькую лужицу на дороге между двух грязных колеи с очень близкого расстояния, а потом увеличить снимок и выдавать его за горный пейзаж с глубоководным озером. На Алтае у меня остался ассистент, который таким способом ухитрялся снимать на болоте поросли мхов и хвощей и потом уверял наивных девушек, что это точная картина тропического леса каменноугольной эпохи...

Это понравилось академику, и он засмеялся.

— Я бы на месте вашего ассистента добавлял, что лес гигантских хвоще-дендров фотографировал не кто иной, как сам Продам Неандертальский. Фамилия поэтическая, вызывающая мечтательность. Она должна нравиться девушкам.

— А про кино нечего и говорить, — подхватил Юра. — Комбинированной съемкой можно сотворить любые необычайности. Я сам видел на экране обезьяну величиной с дуб мамврийский. Обезьяна влезала на стоечный небоскреб, ухитряясь держать одной лапой прелестную блондинку с распущенными волосами, которая голосила так пронзительно, что на выручку прилетела эскадрилья не то «кобр», не то «питонов»...

Он взглянул на показания счетчиков и опять обернулся к академику:

— Пока все в порядке. Летим... вокруг Солнца...

— Вы хотите нагнать Десятую по земной орбите?

— О нет. Есть другой путь, — улыбнулся Юра.

Академик вопросительно поднял брови.

— Неужели вы надумали лететь с Земли на Десятую напрямик? Да мы изжаримся! Вернее, превратимся в пар. В атомы, чорт возьми!.. Действительно, рискованное путешествие... и очень продолжительное.

— Что вы, Михаил Сергеевич! — засмеялся Юра. — Ведь мы не пешком идем.

— Еще бы пешком! — насупившись, отозвался академик. — Пешком мы только до Солнца дошагали бы через три с половиной тысячи лет...

— На курьерской «стреле» мы бы доехали в сто восемьдесят. Но мы летим.

— Вижу, — сурово пробурчал академик. — Если ваш аэро... не знаю даже, как назвать... планетоплан, что ли... Если, одним словом, эта штука быстрее «кобр» и «питонов», то мы будем ввинчиваться в пространство лет сорок... Покорнейше благодарю, но мой визит на вашу Десятую никак не состоится по той естественной причине, что до ста лет мне не дожить. Впрочем, вам не придется заботиться о моих похоронах. Как только мы врежемся в Солнце, крематорий с жаром в шесть тысяч градусов по Цельсию будет к моим услугам бесплатно...

— Мы долетим скорее, — загадочно произнес Юра.

— Ага, догадываюсь, — ответил академик: — вы приспособили чудовищную ракету, и теперь мы пожираем расстояние со скоростью снаряда, выпущенного из зенитки последнего образца... Могу я рассчитывать, что половину пути до Десятой, до пересадки на станции «Солнце», мы проедем по вашему графику этак к осени 1964 года? Да мы с голоду ноги протянем...

Юра всплеснул руками:

— Я и не подумал, что вы успели проголодаться! Прогулка по эфиру всегда возбуждает аппетит... Пожалуйста, возьмите в саквояже налево от вас бутерброды и кушайте. Кофе там же, в термосе. На третье — яблоки. Я снял их с дерева у себя в саду на Алтае часа два назад. Прошу вас...

От легкого завтрака академик не отказался. Пространство и время как-то перестали существовать. Остались кабина планетоплана, бутерброды и яблоки. Академик достал бутерброд с ветчиной.

— Благодарю, — сказал он, — но на двоих до 1964 года, кажется, маловато.

— Вы забыли о других скоростях, — заметил Юра.

— Не забыл, а не дошел до них, — отозвался академик, нащупывая в саквояже второй бутерброд. — От Солнца до Земли луч света достигает в течение восьми минут восемнадцати секунд...

Лицо Юры приняло торжественное выражение.

— Наконец-то, дорогой мой, — воскликнул он, — наконец-то я вижу, мы добрались до настоящего пожирателя расстояний!

VII

— Надеюсь, вы без намеков насчет пожирателей. — усмехнулся академик, разглядывая второй аппетитный бутерброд, с черной икрой.

— Я намекаю на свет... Вернее, на частицы света, на известные вам фотоны, — сказал Юра. — Мой планетоплан глотает расстояние со скоростью двести девяносто восемь тысяч километров в секунду...

Академик на мгновение перестал жевать и пробормотал:

— Любопытно, хотя и невероятно.

— Невероятно, но факт. Правда, эта скорость несколько меньше общепринятой. Однако вспомните, что общепринятая скорость света выведена лишь как средняя из немногочисленных наблюдений и опытов. Я убежден, что скорость света действительно может быть различной. Правда, разница не превышает одной-двух тысяч километров в секунду, но она существует и зависит не только от среды, через которую проходит свет, но и от источника света. Хотите, я вам докажу, что свет от Сириуса распространяется с иной скоростью, чем свет от зажженной спички?

Академик поперхнулся и в замешательстве сунул недоеденный бутерброд в жилетный карман.

Юра взглянул на циферблаты счетчиков и озабоченно проговорил:

— У нас остались считанные минуты, поэтому буду краток. Вот уже больше полустолетия наука толковала о колоссальных запасах внутриатомной энергии. Я долго искал подходящие электроны и наконец нашел. Вспомните таблицу Менделеева. В ней остаются незаполненными три места под номерами шестьдесят один, шестьдесят пять и шестьдесят семь.

— Вы открыли новый элемент? — спросил академик.

— Да, я назвал его «радий-два». Он занимает шестьдесят пятый номер в таблице элементов Менделеева и более радиоактивен, чем радий. Его электроны в камере из особой пластмассы превращаются в фотоны, и их энергии вполне достаточно, как видите... — Юра внимательно взгляделся в показания приборов. — Осталось три минуты... Для моего планетоплана я выбрал путь вокруг Солнца по орби-

те, прямо перпендикулярной плоскости земной орбиты. Описав полуокружность, мы должны будем очутиться на Десятой. Расчет орбиты планетоплана прост. Берем как радиус расстояние от центра Солнца до Земли и высчитываем по формуле два пи-эр, деленные на два. Делим на скорость нашего полета, получаем расстояние в тысячу шестьсот восемьдесят световых секунд. Это составляет точно двадцать восемь минут полета. Мы проговорили ровно двадцать пять минут.

Его прервал академик. С внезапным порывом злости он подскочил на сиденье, крикнув:

— А если никакой Десятой нет?

— Тогда мы, — веско ответил Юра, — облетим вокруг Солнца по оставшейся половине орбиты и вернемся к себе. Фотоны на обратный путь у меня есть.

Через плечо Юра показал академику две черные блестящие коробочки, похожие на плоские пудреницы из папье-маше.

— А если вы... воздушный шофер... — академик почти задышался от волнения, — если вы промахнетесь при посадке на Землю?

Юра даже не обернулся. Он был занят у приборов и рычагов. Он только пожал плечами:

— Тогда ничего не поделаешь... Да вы не волнуйтесь, Михаил Сергеевич, — тепло сказал Юра. — Ну, будем кружить вокруг нашей Земли, пока свои не выручат. Наши высотники куда угодно доберутся... Хлебните из термоса... Только не из саквояжа, а слева, в кармашке у окна. Чистый лабораторный спирт с водой. Подкрепляет...

Хладнокровие Юры перестало бесить академика. Он покорился неизбежности, уготованной судьбой. Глоток из лабораторного термоса оказался кстати.

«Хорошо!» подумал академик и закрыл глаза в приятной дремоте. Волнения утомили его. Где-то, словно за фанерной перегородкой, слышался отрывистый голос Юры:

— Внимание! Перед нами Десятая... Постараюсь спланировать... Приготовьтесь!

Академик почувствовал толчок в момент посадки планетоплана. Странное спокойствие и лень овладели академиком. Он не испытывал никакого желания посмотреть на

Десятую. Он только перевернулся на другой бок и даже слегка всхрапнул.

Но чьи-то руки начали сильно трясти его.

— Да вы живы или нет? Проснитесь! Прилетели! — гремел торжествующий голос Юры над самым ухом академика.

VIII

Академик раскрыл глаза, но ничего не увидел, кроме лампочки распределительного щитка.

— Где мы? — сердито спросил он, не видя, а скорее ощущая, что Юра сидит рядом с ним.

И тут вспомнил все приключения ближайшего часа. Он услышал шорох и догадался, что Юра разыскал сак-воаж и шарит в поисках бутербродов.

— Да на Десятой, Михаил Сергеевич... На планете...

Юра, видимо, начал жевать ветчину, потому что стал гворить отрывисто и не совсем внятно.

— Только я при посадке маху дал. Боялся, что не дотяну и проскочу мимо... Ну, сгоряча и выпустил в мотор триллиардов пятнадцать лишних фотонов. Переборщил... и перелет дал. Градусов на сто восемьдесят. Не на том меридиане сел. Сами видите, на неосвещенном полушарии... Вокруг ночь... Но, кажется, небо звездное и ветра нет...

— И что из этого следует? — странным для самого себя голосом спросил академик, потому что в голову ему пришла мысль, настолько простая и ясная, что нехватало силы даже рассердиться как следует.

— Как что? — изумился Юра. — Вашим громадным авторитетом вы сегодня поддержали меня. Я не в претензии, что вы сначала строжайше проэкзаменовали меня, проверили. Ваше согласие быть со мной здесь — большая честь для меня... и поэтому уважьте, глубокоуважаемый Михаил Сергеевич, мою просьбу...

— Какую? — сухо спросил академик.

— Сейчас мы должны выйти из кабины, — пояснил Юра. — Пусть ваша нога первой ступит на поверхность Десятой. И я уступаю вам право дать ей название по вашему желанию.

Собственно говоря, соблазн был огромен. Имена гре-

ческих и римских богов замелькали в голове академика. Он уже сделал движение, чтобы нащупать ручку дверцы. Но сию же минуту, расталкивая Нептунов, Плутонув и Меркуриев, холодная и отчетливая мысль снова пробралась в мозг, и обычная ирония окрасила слова академика:

— Вы очень остроумный человек, Юра. Я не имею ни малейшего желания пользоваться вашим правом приоритета. Я даже подозреваю, что вы хотите назвать свою Десятую, скажем, «Юриссимус»...

Он не дал Юре прервать себя и продолжал:

— Кстати, не можете ли вы осветить ваше авто?

— К сожалению, при посадке, вероятно, испортились провода, — виновато отозвался Юра.

Академик вяло пожевал губами:

— Так-с... Ловко придумано... — и сказал громче: — А нет ли у вас какого-либо другого осветительного приспособления? Я бы, знаете, удовольствовался даже зажигалкой.

— Некурящий.

— И тут нашел отговорку, — пробормотал академик.

Но Юра радостно воскликнул:

— Хорошо, что напомнили! Со мной карманный фонарик. Вот 'пригодится... Кажется, поломалось одно из шасси...

Он, видимо, шарил по карманам. Потом сунул фонарик в руку академика.

— Извольте...

Академик нажал кнопку и направил луч света прямо в лицо Юры.

— Ну, бросьте ваши шутки. Перестаньте разыгрывать меня, молодой человек.

Лицо Юры выразило крайнюю степень удивления и тревоги:

— Помилуйте, Михаил Сергеевич, что с вами?

— Со мной? Ничего... — резко заговорил академик. — Но довольно шуток. Я понял все. Вы живете где-то на даче... Не возражайте, я еще никогда не ошибался. Или просто вы завезли меня за город, в глухое место... за стеклами авто я не вижу ни малейшего признака городских зданий.

— Да что вы, Михаил Сергеевич! — взмолился Юра.

— Не возражайте... Вы отвлекли мое внимание разными занимательными выдумками во время поездки... Но я человек серьезный. Ну пошутили, ну посмеялись...

— Уверяю вас, Михаил Сергеевич, — Юра умоляюще сложил руки на груди, — чем хотите поклянусь... и в мыслях не имел. Да разве я посмел бы? Разве я могу себе позволить такие шутки?..

В голосе молодого ученого послышалось такое волнение, что академик смягчился. Он потушил фонарь.

— Если даже это шутка с вашей стороны, милый Юриссимус, — добродушно произнес он, ласково дотрагиваясь в темноте до плеча Юры, — то продолжайте. Я люблю безобидные шутки. Они приносят людям больше пользы, чем полагают иные серьезные сухари.

Юра ответил:

— Вы правы, но это не шутка.

— А если так, — тем же добродушным тоном продолжал академик, — то знаете что? Давайте вступим на почву Десятой вместе. Сразу. Вдвоем. А?

— Великолечно! — засмеялся Юра приподнимаясь. — Позвольте я помогу вам...

Он распахнул дверцу, и приятный теплый воздух овеял взволнованное лицо академика.

— Действительно, кажется, вы примчали меня куда-то очень далеко, — произнес академик. — Шагаем?

— Одна приступочка, Михаил Сергеевич, — предупредил Юра.

Но академик медлил переступить через порожек.

— Посветите-ка, Юрочка. Возьмите фонарик. Вдруг мы в болото угодим...

Луч фонаря осветил почву перед распахнутой дверцей.

— Ничего подобного, — уверял Юра. — Песок. И сухонький. Не то дорожка, не то площадка. Шагаем. Раз, два...

— Три! — подхватил академик, ступая на приятную мягкость песка одновременно с Юрой.

По привычке академик тут же поднял голову и взглянул на небо. Картина раскинувшегося над ним ночного небесного свода поразила его. Не опуская головы, он ошупью схватил за руку Юру и мог только прошептать:

— Смотрите... небо...

Звезды были необычайно крупны, яркие и близки. Казалось, что, приполнявшись на цыпочки, можно схватить любую из этих лучистых игрушек.

Академик с первого же взгляда узнал очертания знакомых созвездий. Но если полчаса тому назад, когда он выходил из директорского корпуса ГАИ, над ним стояли осенние созвездия, соответствовавшие примерно полуночи октября, то теперь наверху развертывалась другая картина. На синем небе величественно сияли апрельские весенние созвездия.

— Вижу, — услышал академик голос Юры. — Так оно и должно быть. На это место орбиты через шесть месяцев примчится Земля, и тогда люди смогут любоваться этой же самой картиной...

— Что вы говорите! — пожал плечами академик, чувствуя снова прилив раздражения. — Дело обстоит несколько не так. Полярная чуть ли не в зените. Разве мы на Северном полюсе? Теплынь какая... А там? Созвездия Южного полушария?

Но в этот момент Юра взмахнул рукой, и академику пришлось сделать невольный поворот на девяносто градусов влево вокруг собственной вертикальной оси. Он взглянул прямо и почувствовал, что сейчас надо быть хладнокровным, как никогда...

Из-за волнистой линии горизонта, там, где сияли созвездия Рака и Малого Пса, деловито восходили две крупные луны. Они довольно равнодушно, как глаза мирно настроенного чудовища, выглянули из-за далеких холмов, и приятный опаловый свет озарил обоих людей. Сначала академик почувствовал даже некоторую робость от неожиданности. Но тотчас же огромное чувство ни с чем несравнимой радости охватило его.

— Юриссимус! — вскричал академик. — Трубу!

— Какую? — отозвался Юра.

— Любую... какую хотите! — закричал академик, чувствуя непреодолимое желание затопать ногами. — Только не водосточную и не печную. Трубу, чорт возьми!.. Не могу же я спутников Десятой наблюдать невооруженным глазом.

— Понимаю, Михаил Сергеевич, — пробормотал Юра, и академик увидел, как его ученик растерянно почесал затылок, — но...

— Никаких «но»! — даже затрясся академик. — Вы что же, не взяли с собой ни одного инструмента? Вы обязаны были взять с собой лучший менисковый телескоп.

А луны уже выползли из-за холмов и поднялись, явно держа курс на юго-восток. При их свете академик теперь ясно видел Юру рядом с собой.

— Я совершенно не рассчитывал... — виновато начал Юра.

Академик не мог сдержаться себя.

— Бинокль! Немедленно! Хотя бы театральный... — прошипел он. — Да поворачивайтесь!

— Ах да, — встрепенулся Юра, — бинокль есть...

— Давайте, — сказал академик, несколько успокаиваясь. — Меня интересует левый спутник.

— Сию минуту, — отозвался Юра и быстро забрался в планетоплан.

Академик не мог оторвать глаз от лун. При некоторой доле воображения их можно было принять за двух милых спутниц, которые, чинно взявшись за руки, совершают восхождение по давно проторенной и знакомой тропинке. Рисунок лунного пейзажа их ничуть не был похож на пейзаж земной луны, хотя на них можно было рассмотреть пятна и очертания вероятных кратеров и горных цепей. Бинокль помог бы разобраться в некоторых деталях. Дрожая от нетерпения, академик крикнул:

— Юриссимус! Скорее! Что вы так долго возитесь?

Неожиданно налетевший легкий ветер заставил академика слегка зажмурить глаза, чтобы песочная пыль не попала в них. Он обернулся, хотел поторопить Юру, но это оказалось лишним.

Планетоплан исчез.

Х

Первая мысль академика была, что Юра умчался нарочно. Вероятно, за подозрительной трубой на Землю. Тогда примерно через час он вернется, если...

И тогда несколько «если» во всей своей суровой

Академик не мог оторвать глаз от луч.

очевидности предстали перед академиком. Если Юра умышленно не захотел оставить его здесь, на Десятой, навсегда... Если у Юры есть в запасе достаточно фотонов для вторичного путешествия на Землю и обратно... Если при возвращении с Земли он опять сумеет припланетиться именно в этом пункте... Вот это и было самым трудным, почти невероятным.

Но если... Академик задумался. Ведь не было обычного ослепительного взрыва фотоновой ракеты и ужасного свиста и грохота... Может быть, Юра и не учаляся?

Академик крикнул:

— Юра... Юрочка! Ау! Где вы? Ау...

Где-то отозвалось далекое, чуть слышное эхо: «а-у».

Холодное и освежающее спокойствие снизошло на академика. Он был абсолютно одинок здесь и почувствовал себя исследователем. Его оружием были запас знаний и твердая воля. Он внимательно огляделся. Свет лун заливал песчаную площадку, на которой он стоял. При осмотре места, где только что находился планетоплан, академик увидел глубокие колеи и взрытый песок. Не было никаких признаков, что планетоплан покати́л дальше.

Единственно вероятным представлялось, что он поднялся вверх.

— Любопытная ситуация, — сказал вслух академик. — Придется дожидаться утра...

От песчаной площадки, на которой он стоял, в разные стороны расходились дорожки. Какие-то строения виднелись вдали между группами деревьев. А у ближнего края площадки густые заросли кустов напомнили ему институтский парк. Он подошел к ним. Крупные белые цветы были похожи на розы. Он нагнулся. От цветов струился тонкий ванилевый запах. Вспорхнули невидимые птицы. Служезы их пересекли лунный свет.

— Надо подождать восхода, — еще раз твердо сказал академик.

Луны передвигались по небу с заметной быстротой. Академик сделал некоторые предположения относительно их расстояния от Десятой, размеров и скорости обращения. Облака, двигавшиеся к востоку, закрыли обоих спутников Десятой.

— Который час? — поинтересовался академик и взглянул на левую руку, стараясь рассмотреть светящиеся стрелки хронометра. Но хронометра на руке не было. — Что такое? — изумился академик. — Неужели я оставил его в кабинете? Может быть, потерял?

Поиски в темноте были бесполезны. Надо было определить время по звездам. На Земле небесный циферблат находился всегда к его услугам. Если представить, что Полярная звезда является центром циферблата, то две крайние звезды Большой Медведицы, Альфа и Бэта, соединенные воображаемой прямой линией, отлично заменяют часовую стрелку. Надо только знать, что стрелка небесных часов, видимая с Земли, движется справа налево, а не слева направо, как на обычных часах. Надо еще знать, что эта стрелка показывает 11½ часов в полночь 20 марта. В полночь 20 апреля она будет стоять на 10½ часах, 20 мая — на 9½ часах, и так далее. Каждый промежуток в один час на небесном циферблате равняется двум часам земного времени. А каждый день эта небесная стрелка прибавляет по четыре минуты.

Академик отлично помнил, что когда он спускался по ступенкам подъезда на Земле, то небесная стрелка показывала около 4 часов на небесном циферблате.

Сегодня 20 октября. Значит, они с Юрой сели в планетоплан примерно в полночь. Перелет продолжался 28 минут. Следовательно, они прибыли на Десятую в половине первого ночи по земному времени ГАИ. Сколько же времени показывают сейчас небесные часы?

Но на небе звезды сейчас показывали совсем не то, чего ожидал академик.

Небесные часы испортились. Сама Полярная звезда, кажущаяся с Земли неподвижным центром, вокруг которого обращается видимый небесный свод, успела передвинуться вправо.

— Очень приятно, — потер руки академик в волнении. — Полярная звезда, оказывается, уже перестала быть точкой, в которую упирается ось вращения Земли? Она уже сама вращается вместе с остальными звездами вокруг новой Полярной? Сейчас сообразим... Раньше она находилась примерно здесь... Так-с. Покорно благодарю. Все ясно. Роль Полярной на Десятой планете исполняет звезда Вега, альфа созвездия Лиры... Оно так будет и у нас на

Земле через тринадцать тысяч лет. Но старушка Полярная вместе со всей небесной сферой обращается вокруг здешней Полярной по ходу часовой стрелки. Значит, Десятая вращается вокруг своей оси против хода стрелки, справа налево...

Академик стоял лицом к полярной Веге, то есть на север. Направо был восток, налево — запад. Если Десятая, в противоположность Земле, вращается вокруг своей оси с востока на запад, то Солнце здесь должно восходить...

— На западе, — произнес академик важно и повернулся налево.

Высокие горы громоздились там, острые, как гигантская, хорошо отточенная пила. Звезды медленно таяли над ее зубцами. Нежный розовый отсвет выплывал за горами, как будто там разворачивалась необычайно тонкая лучистая ткань. Между двумя зубцами показался золотой краешек Солнца.

— Здравствуй! — приветствовал взошедшее с запада Солнце академик.

Он сказал это радостно. Он был доволен тем, что не только убедился, что находится на новой планете, но и успел сделать интересные наблюдения. Кое-что он уже знал о Десятой, а Юра этого не мог предвидеть в своих вычислениях.

Академику показалось, что кто-то стоит за его спиной. Он обернулся.

XI

Никого не было. Академик был один на залитой солнцем площадке. Обширная котловина, окруженная далекими горами, расстилалась перед ним. Дорожки, усыпанные песком, уходили в рощи, приветливо манявшие скрыться от жары. Большие заросли кустарника и высоких трав скрывали пространство за дорожками.

Надо было найти Юру. Следов на песке было немного. Вот здесь припланетился аппарат. Вот здесь Юра и академик стояли...

Академик почувствовал усталость. Он прошел к кустарнику и увидел скамейку. Рядом с ней возвышался

столб с табличкой. Странные знаки начертаны были на ней.

«Надпись на языке обитателей Десятой, — решил академик. — Постараемся разобрать...»

Сплошные волнистые линии, без всяких признаков отдельных букв, прерывались треугольниками, квадратами, кружочками в самых причудливых сочетаниях. Академик ничего не понял в этих обозначениях, но ему понравилась нижняя крупная строка. Круг и треугольник соединялись жирной голубой линией. Что это могло значить?

Сев на скамейку, академик погрузился в размышления. Ужасно хотелось вздремнуть после бессонной ночи. Но надо обязательно найти Юру. Что, если с ним случилось несчастье? На этой неизвестной Десятой каждую секунду можно встретить неожиданность... Надо ознакомиться и с самой планетой. Есть ли на ней живые существа, кроме тех птиц, которых вспугнул ночью академик? Растения... Он протянул руку к ближайшему кустарнику. Листья казались лакированными. Белые цветы раскрыли тугие лепестки. На них дрожали крупные капли росы. Академик сорвал цветок и жадно приложил его к губам. Холодные капли освежили его пересохшие губы. Хорошо бы найти воду... Но надо быть настороже. А вдруг Десятая населена хищными зверями? Это было бы совсем плохо. Если они растерзают академика, то навсегда пропадет замечательное открытие Юры и на Земле никогда не узнают о межпланетном путешествии двух людей...

Академик составлял план действий. Он никогда не полагался на память. И сейчас, вынув карандаш и бумагу из кармана, он быстро написал:

«Десятая... Два спутника. Наклон оси к плоскости эклиптики примерно 23 градуса... Направление оси — Вега... Вращение с востока на запад... Скорость...»

Он не мог определить ее: хронометр потерян. Это было досадно. Хорошо и Юра! Не взять с собой в такое путешествие ни одного инструмента! Непростительно.

Солнце пекло. Нужно было искать тени и воды. Площадка представляла собой большой круг. Прямо перед скамейкой открывалась ровная аллея низеньких деревьев

с большими голубыми листьями. Внезапная счастливая мысль обрадовала академика:

«Круг... Голубая линия... Это же дорога, ведущая к треугольнику. Ого! Я начинаю разбирать ваши письма, уважаемые граждане Десятой...»

Он шел по аллее совершенно спокойно. Под тенью голубых широких листьев было гораздо прохладнее. Аллея вела на юг. Солнце с запада склонялось к югу. По наметившемуся пути Солнца академик привычным взглядом определил:

«Местоположение нашего пункта — умеренный пояс Десятой».

Это его успокоило. Повидимому, здесь ему не грозили ни арктические морозы, ни тропическая жара. Утро дышало очарованием. Цветы, приятным бордюром окаймлявшие дорожку, радовали академика. Он не очень много понимал в ботанике, но ему было ясно, что прихотливые очертания цветов и листьев совсем не похожи на земные. Несколько странных деревьев с толстыми мясистыми стволами показались ему похожими на араукарии. Под ногами среди шуршащего песка его внимание привлекли раковины четырехугольной формы. Они блестели, как золотые. Академик поднял их и с любопытством рассматривал. Они напомнили ему страницы геологического атласа, и он положил в карман несколько крупных раковин, достойных занять почетное место в коллекциях музея ГАИ.

Он не заметил, как очутился на треугольной площадке. Каждая из ее сторон была отделена от остального пространства невысокой изгородью. Таблички со знакомыми письменами сообщали то, чего не мог прочитать академик. Он смотрел на табличку. Волнистые линии описывали квадрат, перечеркнутый черным...

Ему захотелось посмотреть, что находится за изгородью.

Он заглянул и отшатнулся, пораженный ужасом.

XII

Большое поле являло собой страшную картину разрушения. Развалины зданий, опаленные огнем, стояли вдали. Почва, изрытая рвами, была покрыта обломками ма-

шин. Какие-то металлические коробки громоздились одна на другую, зияя пробоннами, исковерканные и странные. В небо смотрели жерла черных труб, изогнутых, свернутых, как будто ими забавлялись гиганты. Камни, черные от дыма и серые от пепла, громоздились один на другой. Совсем близко можно было различить острия копий, валявшихся у самой изгороди, и множество обломков предметов, назначение которых академику не было знакомо. Среди этого хаоса белели куски, взгляд на которые заставил старого ученого содрогнуться. Это были кости людей. В этом не было сомнения. Кости и черепа обильно покрывали это поле смерти.

Потрясенный, академик отступал медленным шагом. Ему опять показалось, что кто-то стоит за ним. Он даже почувствовал на своем затылке чье-то спокойное дыхание. Он обернулся. Но опять, как и раньше, он был одинок на треугольной площадке.

Табличка с двумя перечеркнутыми четырехугольниками словно звала его ко второй изгороди. В изнеможении он облокотился на эту изгородь. Он видел перед собой изрытое продольными рвами поле. Ни одной травинки не росло на этом высохшем, каменистом унылом пространстве. Насколько видел глаз, этот странный пейзаж уходил в глубокую даль, казавшуюся бесконечной.

На перекладине изгороди академик заметил какой-то выступ. Около него была прикреплена табличка. Чтобы лучше рассмотреть ее, академик оперся рукой о выступ.

Он не заметил, как начало изменяться поле, но теперь оно ожило. Из рвов выскакивали странные человекообразные существа и с воем бежали вперед. Академик видел, как бежал один из них, низколобый, с глазами маньяка. Он бежал, держа в руках какую-то странную палку. Он бежал навстречу людям.

Кровавая схватка развертывалась перед глазами академика.

«О, здесь есть люди!» успел подумать ученый.

Поле заволакивалось дымом, среди которого вспыхивали яркие багровые языки пламени. Грохот сражения оглушил академика.

И он содрогнулся, когда услышал далекий крик. Ему показалось, что это кричит Юра.

Он держал в поросших шерстью передних лапах **странный**
длинный предмет.

XIII

Академик бросился по направлению, откуда слышался крик, и очутился у третьей изгороди. Ему некогда было заниматься рассматриванием табличек. Он заглянул за изгородь, откуда, как ему казалось, послышался голос Юры.

Ряд приземистых, низких, как бы вросших в почву строений расстилался перед ним. Окна в переплетах тяжелых решеток зияли, словно глаза мертвецов. У ближайшего строения стоял низколобый человекообразный маньяк. Он был тяжел и неподвижен, как изваяние. Он держал в поросших шерстью передних лапах странный длинный предмет с острием на конце. Казалось, он не дышал. Но он поводил глазами, пустыми глазами одержимого. Он взглянул на академика прямо, в упор. Академику стало противно смотреть на маньяка. Он не ощущал теперь страха. Его мучило желание раскрыть странную тайну треугольника. Он вплотную подошел к изгороди и грудью оперся на выпуклости перекладкины.

Вероятно, это не понравилось человекообразному. Он поднял острие, и гулкие звуки гонга прозвучали в знойном воздухе...

И тогда из зданий начали выходить люди.

Да, это были люди, изможденные, страдающие. Женщины, старики, подростки... Все одетые в рубище, в грязные лохмотья. Некоторые несли на руках детей... Человекообразные взмахивали острыми палками и били их.

Одна женщина что-то говорила умоляющим голосом. Она протягивала руку, словно умоляя о сострадании.

Человекообразный ударил ее.

— Ах ты скотина! — крикнул академик, не помня себя.

Он озибался в поисках предмета, которым можно было бы разбить череп маньяку. Невозможно было оставить без наказания эту бесхвостую обезьяну.

Академик попробовал оторвать планку от изгороди. Не без труда ему это удалось. Вооружившись довольно тяжелой планкой, ощущая в себе прилив юношеских сил, дрожа от бешенства, он перепрыгнул через изгородь.

Он проделал это очень ловко и взмахнул рукой, чтобы нанести удар, но тотчас же застыл в недоумении. За изгородью он не увидел ни малейшего намека на присутствие людей и человекообразного маньяка. За низкими строениями с тюремными окнами расстилалась ровная, покрытая коротко стриженным газоном площадка. Это было неожиданно и весьма загадочно.

Впрочем, академик тотчас же пришел в себя, и мысли его приняли направление, единственно правильное в данном случае. Надо было исследовать, в чем дело. Природа каждую секунду предлагает людям очень сложные загадки. И ему ли, академику Солнцеву, который разгадал в свое время тайну спектра звезды Гамма Цефея, отступать перед такой неожиданностью?

Он не спеша перелез через изгородь обратно на площадку и, опершись грудью на выпуклую перекладину, провел по ней рукой, нажимая на попадавшиеся неровности.

И он не удивился, когда перед ним возникли новые реальности. Однообразный удручающий рельеф коричневых кирпичных домов с одинаковыми зелеными крышами тянулся скучной улицей. Узкие тротуары. Потрескавшаяся асфальтовая мостовая. Из-за угла на улицу вышла колонна существ, которых сначала академик принял за людей.

Но это были не люди, а те же странные и отвратительные существа.

Обезьяноподобные юнцы качались, как заведенные фигуры паноптикума, где в отделении ужасов показывают средневековых тиранов и людоедов, когда-то обитавших в джунглях Новой Гвиней.

Они маршировали, отбивая шаг, все одинаковые, словно с отштампованными физиономиями, лохматые бестии со злыми глазами.

Академику они показались очень похожими на жаб, вставших на задние лапы.

Изображение шестиногого паука на правой щеке каждого было похоже на клеймо преступника, привыкшего к своей отвратительной татуировке.

Они держали на плечах странные короткие палки.

Двери и окна домов спешно закрывались при приближении обезьяноподобных. Какая-то собака выскочила из

подворотни и не успела залаять. Один из марширующих направил на нее палку. Из палки выплеснулся огонь. Собака упала замертво.

Вожак, маршировавший впереди банды, нес на плече огромную секиру.

Вот он скомандовал. Банда остановилась. Бандиты вытолкнули на мостовую какое-то жалкое существо в лохмотьях. Академик не сразу разглядел, что это молодой человек, почти мальчик. По роже вожака проползла гримаса, искажившая толстые губы в улыбку. Мохнатая лапа протянула пленнику большой сочный банан. Тот жадно схватил его.

И тут академик увидел глубокие страдающие глаза юноши. Он не осмеливался есть банан, а только смотрел на него, не веря, что ему позволяют есть.

Обезьяноподобный погладил юношу по спине. Потом поставил его на колени спиной к себе. Что-то сказал ему на ухо. Юноша поднес банан ко рту. Вожак лапой наклонил голову юноши несколько в сторону. Юноша стал есть банан, забыв все на свете.

Обезьяноподобный взмахнул секирой...

Академик отошел от изгороди, с трудом переводя дыхание. Он пересилил себя и заглянул за изгородь снова.

И вдруг отчетливая, как молния, мысль возникла у академика, привыкшего к естественному объяснению явлений:

«Несомненно, я грежу... Я во власти воспоминаний... Да, это было у нас на Земле... Да, пятнадцать лет назад. Но это никогда больше не повторится... Никогда и нигде...»

Эта мысль по-новому осветила его переживания. Он сосредоточил всю свою волю на наблюдении. Он чувствовал, что надо пока сдерживать негодование, до момента, когда ему удастся вступить в бой с этими гнусными существами.

Он видел высокий стакер среди поля. Бесконечная конвейерная лента шла вверх по торчавшей наклонной конструкции. Внизу обезьяны гнали один за другим живые маленькие существа на двигавшийся вверх конвейер. Они поднимались конвейером и падали оттуда. А другие

обезьяны срезали их в воздухе огнем из палок, как охотники в стрельбе по тарелочкам...

А вдали полыхало огромное зловещее зарево пожаров...

Академик подошел еще раз к изгороди. Глаза его были сухи. Он запретил слезам мешать ему видеть. Он хотел запомнить, чтобы не простить виденного никогда.

Обезьяна-маньяк теперь неистовствовала. Она командовала полудюжиной подобных ей узколобых тварей, которые усердствовали в своих издевательствах. Отвратительные картины насилия потрясли академика. Он дрожал от негодования. Ему стало трудно дышать. Но тайна требовала раскрытия. Он медленно перелез через изгородь, обдумывая и запоминая каждое свое движение. Когда он стал обеими ногами по ту сторону изгороди, он опять увидел только газон, голубоватую даль неба и больше ничего...

— Превосходно, — пробормотал академик с удовлетворением и стал перебираться обратно на площадку.

Что-то мешало ему в жилетном кармане. Он нащупал в нем кусок недоеденного бутерброда.

— Очень кстати, — усмехнулся он, прожевывая бутерброд и не обращая внимания на вновь появившуюся обезьяну. Он глубоко задумался.

XIV

Внезапно академик снова услышал крик. Не было сомнения — Юра звал его. Академик радостно кинулся навстречу молодому человеку. Юра тоже бежал к старому ученому по песчаной дорожке, но странное дело — не приближался к нему ни на шаг.

— Помогите... Михаил Сергеевич!.. — кричал Юра задыхаясь.

Академик поспешил на помощь. Он приблизился к началу дорожки, по которой бежал Юра, и остановился. Блестящие золотые раковинки убегали из-под его ног по направлению к Юре. И тогда, заложив руки за спину, академик крикнул тем повышенным тоном, каким он давал распоряжения непонятливым аспирантам:

— Прыгайте с дорожки, молодой человек!

— Куда? — взмолился Юра, видимо изнемогая от усталости.

— В любую сторону. На клумбы... На цветы... Что мне вас, за ручку водить? — начал сердиться академик.

Юра понял. Он соскочил с дорожки на цветочный бордюр.

— Теперь пожалуйста сюда, — пригласил его академик. — Шагайте смело. Только не по дорожке... Итти ко мне по дорожке бессмысленно: дорожка движется от меня. Смешно пытаться подняться из метро по эскалатору, ступени которого движутся сверху вниз. Надо перейти на другой эскалатор, где ступеньки движутся вверх или, по крайней мере, неподвижны.

Почва рядом с дорожкой была неподвижна, как и предположил академик.

Через две минуты Юра одолел расстояние, отделявшее его от академика, и остановился, с трудом переводя дыхание. Он был явно чем-то потрясен. Волосы его торчали во все стороны. От изящной прически осталось одно воспоминание. Галстук съехал на сторону. Пропотевший воротничок душил его, и Юра расстегнул переднюю запонку.

— Докладывайте, — коротко приказал академик.

Юра изумленно воззрился на своего учителя.

— Неужели вы ничего не заметили? — прошептал он охрипшим голосом. — Мы в ловушке, в ужасной ловушке.

— Не делайте преждевременных выводов, профессор, — прервал академик и повторил: — Докладывайте.

Юра торопливо заговорил, косясь по сторонам и будто боясь, что его могут услышать:

— Вы помните, я влез в планетоплан. Бинокль я нашел очень скоро. Вот он. — Юра подал академику хороший театральный бинокль.

Тот положил его к себе в карман и пробормотал:

— Дальше...

— В кабине было темно. Мне показалось, что один из моторов не полностью выключен. И будто кто подтолкнул меня. Я тронул осязную фотонное реле — и чувствую, что аппарат сделал скачок. Он рванулся с такой силой, что меня выбросило через переднюю дверцу. Я поднялся. Свет лун был достаточен, чтобы оглядеться. Но я

не увидел ничего похожего на песчаную площадку, где мы только что были. Вас не было, планетоплана тоже... Пришлось ориентироваться по звездам. И я пошел искать вас...

— Интересно, как вы ориентировались.

— По Веге, Михаил Сергеевич, — ответил Юра. — Через полчаса мне стало ясно, что Полярной звездой на Десятой является Вега... Луг, по которому я шел, оказался ровным, гладеньким, хоть в футбол играй. А когда стало всходить солнце...

— С запада, заметьте, — вставил академик.

— Не помню, — качнул головой Юра. — Честное слово, не обратил внимания. Я думал о вас, Михаил Сергеевич... ужасно беспокоился. Солнце застало меня на широком шоссе. Но я должен был строго держаться направления на юг. Планетоплан прыгнул к северу. Мгновенный прыжок его на обычном моторе вряд ли превышал десяток километров. На это только я и надеялся... А если б включились фотоны, они унесли бы меня неизвестно куда. Итак, я свернул с шоссе на юг. Туда вела очень живописная тропинка. Она привела меня в рощицу. Только деревья были очень какие-то непонятные, будто их перевернули наоборот, корнями вверх... Чирикали какие-то птицы, но мне было не до них. Между прочим, может быть, я и ошибаюсь, но я не заметил ни малейшего присутствия насекомых... Ни муравьев, ни бабочек, ни жуков... Пройдя рощу, я очутился на дорожке, вот вроде этой. И здесь начались мои злоключения... Мне почудилось, что кто-то дышит позади меня. Оглядываюсь — никого. Я ускорил шаги. Слышу, он тоже спешит за мной...

— Кто он? — сухо спросил академик.

— Не знаю. Вероятно, одна из обезьян, которые населяют Десятую.

— Любопытно, — отозвался академик. — Но обезьяны пустяки. Меня интересует другое... — Он увидел вопросительный взгляд Юры и добавил: — Интересует вода. Есть тут вода?

Юра наморщил лоб:

— Позвольте... совсем забыл... — Он запустил руки в карманы и вытащил несколько желтовато-красных плодов. — Прошу. Отлично утоляют жажду. Я интересуюсь

фруктами. У меня на Алтае свой сад... Ой! — вскрикнул он, увидев, что академик поднес плод ко рту. — Не кушайте, а только надкусите чуть... и высасывайте сок... Вероятно, гибрид граната с апельсином. Ну как, вкусно?

— У-у... — проворчал академик наслаждаясь. — Похоже на сладкий чай с лимоном. Однако продолжайте. Что вы сделали с обезьяной?

— Не знаю. Я просто поднял увесистый блестящий камень, вернее слиток...

— Слиток? — Академик приподнял брови. — Может быть, золотой?

— Нет, повидимому сплав бериллия с медью. Такие сплавы не отличить от золота, но они несколько легче... Я метнул слиток в обезьяну, вернее в то место, где слышались ее шаги. Я уверен, что за мной двигалось живое существо. Я слышал его, но не видел. Это было самое странное. Невидимая обезьяна...

— Она могла броситься на вас... Вы не боялись, Юра?

— Страх пришел ко мне позже — когда я попал в лабиринт дорожек. Он окружен заборами, изгородями... Я бродил по ним и снова приходил на то же самое место. Мне это надоело, и я придумал перебраться через одну из загоронок и идти напрямик. Но... тут и началось самое страшное...

— Вы увидели живую обезьяну? — осведомился академик, принимаясь за второй экземпляр апельсинового гибрида.

— Сотню, тысячу... Громадную банду, — содрогнувшись, ответил Юра. — Там у них табор, что ли... Логово... К счастью, они не обратили на меня никакого внимания. А то бы растерзали. Но они были слишком поглощены своим занятием...

— Каким именно? — прищурился академик.

Юра пожал плечами.

— Странно сказать... Они ели. Вернее, простите за выражение, лопали с таким идиотским усердием, будто весь смысл их существования заключается в наполнении желудков. Они поднимали в мохнатых лапах огромные плоды, кричали, рычали, дрались из-за кокосовых орехов. Но это не зоопарк... Им прислуживали, повидимому, рабы.

Я не мог разобрать, кто эти рабы. Они приближались к обезьянам, согнутые, дрожащие, с опущенными головами, они не смели глядеть на пиршество. Это так отвратительно, что... — Юра махнул рукой и вздохнул. — Я ушел от этого безобразия, но за другой изгородью увидел еще более омерзительное и страшное. Обезьяны занимались разрушением. Сначала мне показалось, что я присутствую при играх дикарей. Обезьяны бегали по цветущим садам, ломали деревья, топтали насаждения...

От волнения Юра не мог продолжать. Академик молча ждал.

— И вдруг несколько этих гнусных безумцев, размахивая факелами, подожгли все, и запылали чудовищные костры. — Юра понюхал воздух: — Кажется, пахнет гарью. Нет? Одна безумная обезьяна бросилась с факелом прямо на меня...

— И вы побежали? — спросил академик, комкая кожуру гибридов и поглядывая, нет ли поблизости урны.

— А что мне оставалось делать? Я закричал и кинулся опометью куда глаза глядят.

Академик не нашел урны и бросил кожуру в кусты.

— Припомните: что вы сделали, когда попали на дорожку, ведущую сюда, к треугольнику? — спросил академик очень серьезно.

— Ничего.

— Вспомните. Это очень важно. До чего вы дотронулись? Рукой, ногой, головой — безразлично.

Юра потер потный лоб.

— Да, вы правы, дотронулся. Вернее, наподдал ногой по какому-то выступу на краю дорожки... Я так обрадовался: в эту минуту я увидел вас вдаль. Вы сидели на скамье, вот на этой...

— Достаточно, — довольным голосом произнес академик. — Ясно многое, но далеко не все. Пойдемте, сядем. Я тоже кое-что вам расскажу.

XV

Юра наблюдал за академиком. Тот сидел, закрыв глаза. Юра знал, что это бывало с его учителем, когда он обдумывал какую-нибудь сложнейшую задачу.

— Юриссимус, — произнес наконец академик, не от-

крывая глаз, — приведите ваш туалет в полный порядок. Перевяжите галстук. Пригладьте волосы. Обмахните пыль с ваших лаковых ботинок... Я не хочу, чтобы мой ученик... Впрочем, об этом после. Готово?

— Сию минуту, — заторопился Юра, завязывая галстук самым модным узлом. — В порядке.

Академик повернулся к Юре и раскрыл глаза. Он улыбнулся и кивнул на дощечку с волнистыми линиями:

— Здесь на языке обитателей Десятой начертано: «Подойди к изгороди, обопрись на нее и смотри».

Юра изумленно вытаращил глаза на академика.

— Вы знаете их язык?

— Да, — усмехнулся академик. — Теперь пришел ваш черед удивляться. Я тоже удивлялся, когда вы ошарашили меня своим открытием. Извольте подойти вон туда и смотреть.

Юра приблизился к изгороди.

— Не удивляйтесь, — громко сказал ему вслед академик, — и не бойтесь. Вы вздрогнули? — крикнул он. — Что вы видите? Ну?..

Юра обернулся. Лицо его было искажено негодованием.

— Обезьяна бьет человека... женщину...

Академик приподнялся со скамьи и приказал:

— Прыгайте через изгородь. Вырвите из лап обезьяны палку и бейте обезьяну досмерти.

Юра решительно перепрыгнул. И тотчас академик услышал его изумленный возглас:

— Михаил Сергеевич! Они исчезли... Здесь никого нет!..

Академик медленно, с торжествующим видом приблизился и протянул Юре руку через изгородь.

— Вы вели себя храбро... Не задумались отплатить выродку за оскорбление женщины. Прощу вас обратно.

— Что это значит? — спросил Юра взволнованно и недоумевающе, перебираясь к академику.

Улыбка пробежала по лицу ученого.

— Это значит, что перед нами прекрасное объемное безэкранное кино. Почему оно именно здесь? Что изображают эти фильмы? Это мы с вами узнаем. Пока уста-

повлено основное. Перед нами кино. Особенное, любопытное... Приводится в действие автоматически. Вот так...

Академик налег грудью на перекладину изгороди. Тотчас перед ним и Юрой развернулся безэкранный странный и страшный фильм. Обезьяны гнали живых людей на двпгавшийся вверх конвейер стакара. Юра стиснул зубы.

— Ах, из пулемета бы по обезьянам!..

Академик отступил от перекладки и долго водил по ней пальцем.

— Вот! — наконец воскликнул он торжествующе. — Вот этот выступ и есть рычаг, который приводит в действие механизм проекции... Но нам некогда разбираться в деталях. Я не удивлюсь, если вокруг нас тут почти все автоматизировано. Мы кое-что знаем, — лукаво подмигнул он Юре. — Но на всякий случай мы должны соблюдать осторожность.

— Да, конечно, Михаил Сергеевич, — согласился Юра. — Полагаю, что здесь могут быть запрещенные или опасные зоны.

— Да, — кивнул утвердительно академик. — Повидному, обитатели Десятой широко пользуются телемеханикой. Я начинаю думать, что они отлично... Ну, в дальнейшем мы проверим... А пока, — он сделал рукою любезно приглашающий жест, — поищем пристанища.

— Хотя я ужасно устал, — тихо вздохнув, сказал Юра, — но что делать, пойдете...

— Зачем итти? — усмехнулся академик. — Мы поедем.

XVI

Юра решил ничему не удивляться. Он покорно шел за академиком, который поглядывал на таблички, и, что-то бормоча, подошел к началу довольно широкой дорожки.

— Я не знаю, милый Юриссимус, ни обитателей вашей Десятой, ни их языка, — сказал академик мягко, — но мы явились сюда не с пустыми руками: у нас есть знания и сообразительность... Поэтому прошу... Дорожка эта подвижна, она сама нас доведет...

— Куда? — воскликнул Юра.

— Не знаю, — сознался академик. — Увидим.

Академик оказался прав. Дорожка двигалась вперед.

— Вероятно, я, бродя по этому треугольнику, случайно включил световое реле, и теперь все дорожки заработали, — произнес академик, тихо переступая по блестящему песку и осматриваясь. — Насаждения, обратите внимание, Юриссимус, очень оригинальны... Они не похожи на реставрацию ископаемых геологических эпох, а?

— Конечно, нет, — отозвался Юра тоном, который свидетельствовал, что прежнее спокойствие и уверенность вернулись к нему. — Это скорее, я полагаю, искусственно выведенные формы.

— Пожалуй, — согласился академик и вдруг встрепенулся: — Прекрасно... Оно так и должно быть...

— Что именно? — спросил Юра осторожно.

Он знал, что вопрос невольно бывал нередко поводом для взрыва раздражительности академика. Но, к радости его, академик объяснил:

— Мы просмотрели все фильмы на треугольнике. Повидимому, ваша тропинка и вот эта двигаются от треугольника. Почему? Зачем? Ясно: публику после сеанса развоят.

— Какую публику? — недоумевал Юра.

— В данном случае нас с вами. Но на треугольной площадке может поместиться триста-четырееста зрителей. Подвижные дорожки к их услугам. Дорожек всех три. Куда они ведут? По теории вероятности, тут три возможности: или на отдых, скажем в ресторан, или на выход, или дальше...

— На выход откуда? — пожал плечами Юра. — Или куда дальше?

Глаза академика смотрели с ласковой снисходительностью.

— Простите, но при запасе знаний вам нехватает сообразительности. На выход из... — академик не договорил и хотел схватить Юру за руку, но не успел. — Пересадка! — крикнул он. — Перепрыгивайте, Юриссимус...

Дорожка кончалась. От нее углом в разных направлениях бежали две новые. Академик вступил на левую,

Юра попал на правую. Оба они разъехались в разные стороны.

Юра успел только закричать:

— Куда это я? — и скрылся из глаз академика за пышными широколистными кустами.

Академик помахал рукой:

— До скорого свидания!

Он был спокоен и даже улыбался.

XVII

Если бы академику Солнцеву впоследствии пришлось делать подробнейший доклад о своем путешествии на Десятую планету, он не смог бы сообщить ничего существенного об этих минутах, когда он был вторично разлучен с Юрой. Он лишь отметил, что горизонтальный эскалатор двигался не по строго геометрической прямой. Напротив, дорожка делала причудливые зигзаги, хотя и довольно плавно. Отдельные группы насаждений выглядели очень нарядно, и становилось жаль, что они мелькали довольно быстро. Дорожка пронесла академика через мост. Он с удовольствием видел, как синеватые воды красиво дробились о поросшие мхом камни.

— Вода... Настоящая вода, — пробормотал академик.

Но это открытие не произвело на него особого впечатления. Он не чувствовал жажды и отнес это к действию освежающего апельсинового гибрида.

Ему хотелось как можно скорее осмыслить все, что он видел.

Дорожка спустилась с горки, обогнула небольшой фонтан, обсаженный мелкими цветами, потом взобралась выше и вдруг раскрыла счаровательную перспективу причудливого, блещущего на солнце здания.

Академик невольно залюбовался этим произведением архитектурного искусства. Самым необычным было то, что такое же здание находилось под первым, перевернутое вниз своими узорчатыми башенками, золотыми шпилями и тонкой, стройной колоннадой...

Заглядевшись на эту картину, академик чуть было не упал, но ему показалось, что кто-то поддержал его и тем самым спас от падения. Было ясно, что дорожка

кончилась и по инерции выбросила его на твердый грунт. Академик сделал несколько шагов и остановился, чувствуя необычайный восторг.

Ему не хотелось ни о чем думать — ни о страшных безумных обезьянах, ни об опасностях, которые могли подстергать его на каждом шагу. Он отдался блаженному мгновению созерцания. Он испытывал подобное чувство, когда, оставшись один со своими мыслями в обсерватории, наблюдал небесные светила и думал о бесконечной, разнообразной живой вселенной. И сейчас ему было все равно, что зеркальная гладь, в которой отражалось величественное здание, была лишь безмятежной поверхностью большого пруда, заключенного в овал мрамора с низенькой серебряной решеткой, и деревья вокруг напоминали с детства любимые задумчивые земные липы и каштаны...

Громкое восклицание заставило его повернуться направо.

Юра стоял поодаль и усердно обмахивал носовым платком колени.

— Стукнулись? — участливо спросил его академик, приближаясь.

— Зазевался, — смущенно ответил тот. — Очень уж неожиданно. Где мы?

— Это я вас должен спросить, — рассердился академик. Он был явно недоволен, что Юра нарушил очарование. — Вы меня завезли на Десятую... Извольте объяснить-с...

Юра смущенно потупил глаза.

— Тогда продолжим разговор, прерванный на разъезде, — продолжал академик более миролюбиво. — Подойдемте поближе к этому... дворцу. Полагаю, что мы припланетились в пункте, где находится что-то вроде парка забавных аттракционов. Перед нами, надо думать, одно из главных зданий. Могут встретиться неожиданности. Будем готовы к ним...

Они подошли почти к краю пруда и двинулись по берегу к зданию. Стаи проворных рыбок носились в прозрачном хрустале воды, и длинные травы лениво шевелились на дне.

— Сколько времени по вашим часам, Юра? Я забыл свой хронометр...

— Семь пятьдесят четыре, — ответил молодой человек.

— Если парк открывается в восемь, то мы сейчас встретимся с обитателями Десятой, — медленно выговорил академик, что-то обдумывая. — Кто они? У нас в распоряжении есть время сообразить... Что вы предполагаете?

Юра посмотрел на дворец.

— Вряд ли обезьяны смогли построить такое здание, — нерешительно произнес он.

— Вы делаете успехи в сообразительности, — одобрил академик. — Вряд ли также обезьяны стали бы любоваться кинофильмами, которые их облачают. Вспомним, что в любом эксперименте при равных условиях мы вправе ожидать одинаковых результатов. Я бы сказал, примерно одинаковых... Трудно добиться абсолютного тождества... Если Десятая в основном дублет Третьей, то... вы понимаете мою мысль?

— Вполне, — весело подхватил Юра. — На Десятой — люди.

— Именно, Юриссимум. В основном те, кого мы видели в стадии рабства. Фильмы там, на треугольнике, — исторические документы, друг мой... Может быть, я ошибаюсь... А вот мы и у самого дворца.

— Войдем? — спросил Юра, увидав, что академик остановился.

Перед ними открылась широкая лестница. Ряд колонн скрывал белоснежные стены.

— Не станем спешить, — отозвался академик.

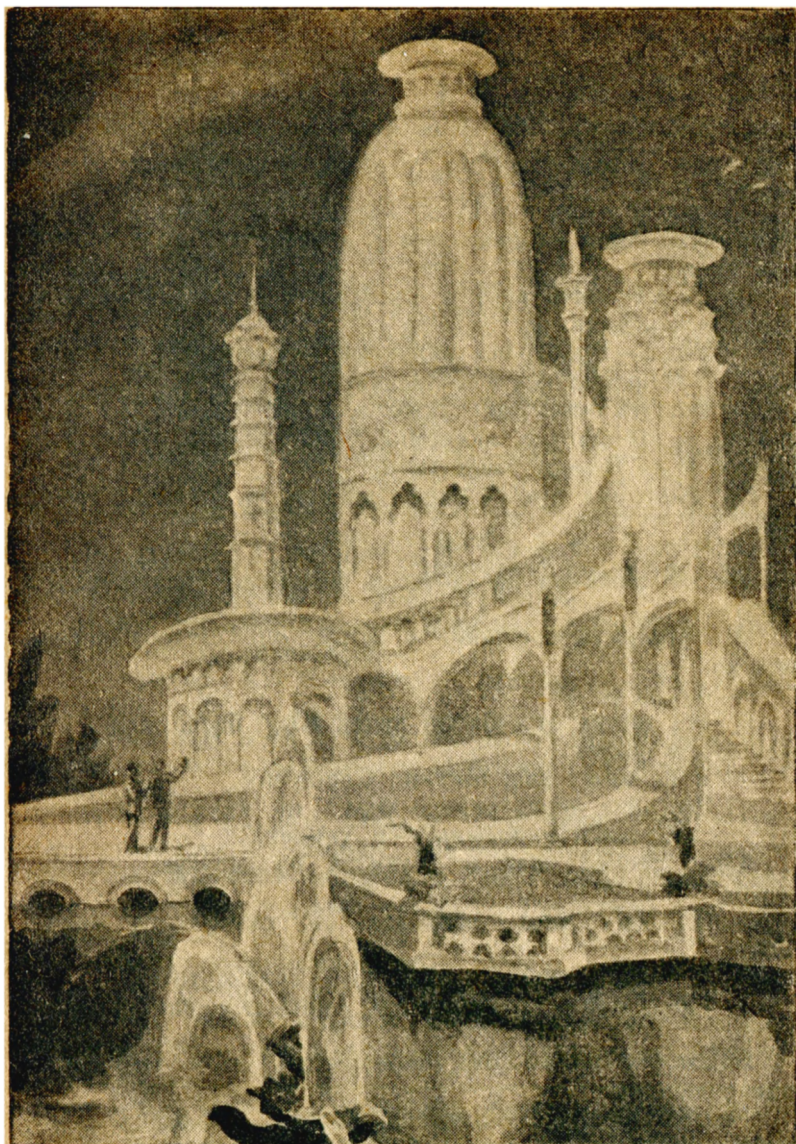
Он внимательно посмотрел на табличку, прикрепленную к серебряному столбу. Среди волнистых линий на ней были изображены разноцветные концентрические круги.

— Сначала обойдем вокруг дворца, — сказал академик тоном, не допускающим возражения. Он протянул руку, указывая в просвет между деревьями. — Пойдем вот так.

И вдруг увидал, как лицо Юры исказилось от ужаса.

— Где ваша рука? — шопотом вымолвил Юра.

Академик взглянул на то место, где должна была находиться его рука, и побледнел — руки не было.

Они подошли к краю пруда и двинулись по берегу к зданию.

Это длилось секунды. Академик чувствовал свою руку. Она существовала. Но он ее не видел. Рука исчезла, как будто он сунул ее в тьму. Но никакой тьмы не было и в помине.

Академик отдернул руку, крепко прижав ее к груди. Рука опять была на своем месте, настоящая, его собственная рука.

Он сунул опять руку в пространство. Рука пропала, сделалась невидимой.

— У-у... — пробурчал академик. — Превосхо... — С размаху, словно кидаясь в холодную воду, он протянул вперед и другую руку, она также исчезла. — ...дно. Восхитительно, — забормотал академик. — Юриссимус, очнитесь... Похож я на Венеру Милосскую?

Он выдернул руки из пространства и, смеясь, обнял Юру:

— Небольшой фокус исчезновения. Прощайте. Физические обоснования загадочного феномена обдумайте на досуге...

И, оттолкнув опешившего Юру, он быстро шагнул вперед.

— Ау... Где я?

В трех шагах от себя он видел Юру, беспомощно озиравшегося вокруг.

— Я не вижу вас, Михаил Сергеевич...

— Шагайте через синюю черту на грунте, Юриссимус, — засмеялся академик, — и увидите...

Юра сделал шаг и очутился по другую сторону черты.

— Я вижу вас! — вскричал он, смотря на академика.

— А теперь отойдите обратно, — сказал тот.

— Не вижу! — крикнул Юра, опять перешагнув через черту.

Некоторое время они забавлялись этим маленьким приключением.

— Все понятно, — наконец сказал академик. — Вот ребятишкам тут раздолье! А какая простая выдумка. Я объясню потом. Идемте дальше...

Обогнув дворец, они увидели раскрытую дверь. Ступе-

ни, ведущие к ней, были истерты. Видимо, здесь постоянно бывали многие посетители.

— Шагнем, Юриссимус?— бодро произнес академик.— На всякий случай, держитесь за мою руку. Если и провалимся в преисподнюю, то все-таки вместе...

Торжественная тишина окутала их в большом сумрачном зале. Взявшись за руки, они медленно двигались вперед.

Еле слышно скрипнула плита пола под тяжестью их шагов. И тогда тихая, нежная музыка раздалась откуда-то сверху. Они подняли глаза и застыли.

Испещренная причудливыми узорами мельчайших звезд, покоилась над ними тонкая голубая чаша неба. Узоры передвигались, сплетались в узлы, снова расплетались, плыли бесконечным потоком.

Из мириадов точек выделилась одна. Она светила из голубой бездны тусклым желтоватым светом. Она висела в пространстве, увеличиваясь и будто наливаясь лучистым прозрачным соком, подобно янтарной ягоде. И можно было заметить, как светились и кружились вокруг нее десять пылинок, то исчезая, то снова появляясь...

— Вот это модель!— восхищенно прошептал академик.— Вот это планетарий...

Он слышал, как Юра что-то ответил, и еще крепче сжал его руку.

— Млечный путь... смотрите... Наше Солнце — одна из звездочек, составляющих это скопление — Галактику... А вокруг Солнца...

— Десять планет, Михаил Сергеевич! — воскликнул Юра. — Обратите внимание, они показывают нам движение галактического потока по двум противоположным спиральям. А центральное сгущение Галактики они тоже расслоили...

— Вижу. Это изумительно!

Солнце успело затеряться в толпе таких же светящихся крошек. Музыка смолкла. На противоположной стороне сама собою раскрылась широкая дверь... Через нее виднелась знакомая гладь пруда.

— Сеанс окончен, Юриссимус. Давайте удирать, мы не брали билетов на представление...

Лучи жаркого утреннего солнца отражались от воды. Солнцев и Юра вышли на террасу. Академик узнал вдали

золотые дорожки и мост через речку. Деревья чуть покачивали верхушками.

Тьма наступала так быстро, что академик не сразу понял, в чем дело. Серые тени набегали неукротимо, будто их гнал злой волшебник. Порыв ветра прогудел, как сирена. Звезды неожиданно вспыхнули. Особенно блистала Вега. Полярная с Медведицей нависли над далекой рощей.

— Затмение, Михаил Сергеевич, — проговорил Юра.

— Нуля с тремя хвостами мало вам за поведение! — зловещим шопотом произнес академик. — Хоть бы «лейку» взяли с собой. Хоть бы закопченное стекло... Затмение, наблюдаемое с Десятой... Подумать только! А он берет с собой бутерброды и яблоки. Отойдите от меня! Я за себя не ручаюсь...

Юра покорно отошел на почтительное расстояние. Академик яростно шарил в карманах. Ему казалось, что там должно было завалиться что-либо подходящее для наблюдения затмения, вроде куска густофиолетового стекла. Но ничего похожего там не оказалось...

Звезды погасли. Солнце снова сияло.

Академик подбежал к Юре, сжав кулаки:

— Марш на Третью! Везите сюда немедленно телескоп.

— Какой?

— Какой влезет в вашу вагонетку. Меридианный круг. Спектроскоп. Две фотокамеры... Погодите, я напишу распоряжение Татьяне Юрьевне... И пусть позвонят ко мне на дом, чтоб не ждали. Я здесь задержусь...

Он выхватил кусок бумаги и карандаш. Но в эту минуту солнце снова стало меркнуть.

— Второе затмение? — пробормотал он.

— Оно так и должно быть, Михаил Сергеевич: ведь у Десятой две луны.

Академик в бешенстве затопал ногами:

— Не луны, а спутники! И не два спутника, а четыре. Скорость обращения тех двух не такова, чтобы обежать вокруг Десятой к этому моменту...

Юра закивал головой.

— Простите, ровно четыре спутника.

— Выражайтесь точнее. Не менее четырех спутников.

Можете вы поручиться, что сейчас не произойдет третьего затмения? Что?

В темноте при отсвете пышной солнечной короны академик распекал Юру в самых язвительных выражениях. А когда снова посветлело, он еще больше разошелся:

— У вас туман в голове... Вы перепутаете и привезете мне сюда не астрономический прибор, а...

Он хотел добавить: «а гастрономический набор», но Юра прервал его деликатно:

— Простите, мы не одни. Нас слушают.

Он слегка повел глазами. Академик живо обернулся.

Невдалеке на площадке около колонны стояли люди и смотрели на него.

XIX

Ближайший человек показался академику похожим на знакомого профессора физики Лариона Петровича. Нехватало только громадных очков в черной оправе. Академик не смог рассмотреть в подробностях одежду этих людей. Во всяком случае, они не успели надеть фраки и белые жилеты.

— Вы куда? — прошептал он Юре, испугавшись, что тот бросится разыскивать свое межпланетное такси. — Приказание пока отменяется. Попробую поговорить с этими лицами.

Он с достоинством приблизился к людям. Для него не было сомнений, что это настоящие живые люди.

— Позвольте, — произнес он учтиво, отвечивая легким поклоном, — представиться: Солнцев. А это профессор Кричигин.

Юра поклонился.

Люди смотрели, видимо ни слова не понимая. Академик решил пояснить:

— Моя фамилия Солнцев. — Он показал на Солнце:— Это Солнце.

Человек, похожий на знакомого физика, кивнул головой, улыбнулся и ответил словом, которого академик не понял.

— Мы прибыли с Земли... То есть с Третьей планеты...

Физик пожал плечами. Академик повторил объяснение на семи известных ему языках, включая древнегреческий.

Люди ответили, оживленно жестикулируя. Академик лошевелил пальцами в задумчивости.

— У-у... фонетический метод не годится. Перейдем от рассказа к показу. — Он приблизился к человеку, похожему на Лариона Петровича. — Извольте сообразить, уважаемый гражданин. Смотрите на эту бумагу... Бумага... А это карандаш... Я пишу... Рисую...

Академик нарисовал кружок и взлохматил его линиями во все стороны.

— Это Солнце.

Юра заглянул через плечо академика и нашел, что рисунок напоминает скорее уродливого ежа, чем главное небесное светило.

Академик трудился над рисованием схемы солнечно-планетной системы:

— Извольте видеть... Меркурий... Вторая — Венера...

Возможно тщательнее он вычертил орбиту Земли. Поставил точку на орбите и пояснил:

— Земля.

Один из людей прикоснулся пальцем к бумаге. В руках у него не было ни карандаша, ни пера, но на линии орбиты, вычерченной академиком, теперь появилась вторая точка. Она обозначала место Десятой планеты в солнечной системе. Казалось, что человек мог писать на бумаге каким-то током, невидимо излучавшимся из его пальца.

Другой человек, похожий на Лариона Петровича, раздельно и четко произнес:

— Зяльмэ... Зяльмэ...

Академик радостно изумился:

— Отлично... Договорились... Юриссимус, оказывается название Десятой уже существует... Зяльмэ. Так?

Люди вокруг утвердительно закивали головами и, показывая на почву, растения, на далекие холмы, произнесли ясно:

— Зяльмэ...

Один из них, молодой, тщательно причесанный и выбритый, показав на чужепланетцев, сказал серьезно:

— Земля.

Схема академика имела успех. Он нарисовал путь планетоплана, Марс и Сатурн с его кольцами... Люди передавали друг другу бумагу, переговаривались, кивали головами. Академик рассказывал о своих ночных приключениях и в пылу объяснений даже взял за пуговицу одного из подвернувшихся зяльмээн. Тот изобразил на лице своем любезность и тоже взял академика за пуговицу. Юра счел необходимым вмешаться:

— Они не понимают... Позвольте, я объяснюсь. Меня на Алтае один пограничник пробовал учить говорить по-китайски таким способом. — Юра показал на коччик своего носа: — Нос, — сказал он. — Нос.

Показал на собственный глаз:

— Глаз... мой глаз.

Дотронулся до носа и глаза академика:

— Его нос, его глаз.

Люди сначала умолкли в легком недоумении, потом встрепонулись. Похожий на Лариона Петровича протянул руку. Юра быстро сообразил:

— Рука... ваша рука... Это — ваша рука. А это — моя рука.

Он чуть не подпрыгнул от радости. Человек отозвался просто, как будто жил на Земле:

— Моя рука. Это — моя рука.

Академику показалось, что он ослышался. Но Лармон Петрович, как в уме называл его академик, продолжал, отлично выговаривая слова:

— Позвольте, я объяснюсь... Вы прибыли с Земли... То есть с Третьей планеты...

Академик был так изумлен, что еле мог вымолвить:

— Юриссимус... Еду к вашему пограничнику... Вот это методист!

Юра, улыбаясь слушавший то, что говорил ему гражданин Десятой, прервал академика:

— Мы приглашены к завтраку. Смотрите, авто подано...

Академик увидел, что к площадке, где они стояли, прямо по воздуху подплыл открытый экипаж. Он двигался на высоте нескольких метров от поверхности Зяльмэ. Человек, управлявший воздушным авто, почтительно по-

клонился зяльмэанам, и академик заключил из этого, что они довольно важные особы.

Ларион Петрович любезно сказал академику:

— Вот моя рука. Прошу...

Юра уже расположился в экипаже. Академик с удовольствием занял предложенное ему место вместе с хозяевами. Ларион Петрович сделал знак рукой, и экипаж, слегка покачиваясь, как бы поплыл по воздушным волнам. Это было очень приятно. Академик почувствовал себя, как за пять минут до банкета, — у него разыгрался огромный аппетит.

XX

— А знаете, Юриссимус, я не чувствую ни малейшей усталости, — сказал академик. После короткого завтрака ему с Юрой была предоставлена комната для отдыха. Академик чувствовал, что он вполне освоился с Десятой. Ему даже казалось, что эта комната поразительно похожа на ту, которую он занимал минувшим летом в кислородском санатории. — И мне совсем не хочется сидеть здесь, — добавил он.

— Вероятно, хозяева угостили нас крепчайшим кофе, — отозвался Юра, прихорашиваясь перед зеркалом. — Они сейчас зайдут сюда, чтобы везти нас знакомиться с Десятой. Нам надо поспешить привести в порядок свой туалет. Мне самому не сидится в этом отеле. Но я думаю, что мое знакомство с Десятой придется отложить...

— Почему? — изумился академик, любовавшийся через окно ажурными остриями башен и величественными куполами зданий, выглядывавшими из-за вершин густых деревьев.

— Меня беспокоит судьба планетоплана. Боюсь, что он нуждается в моей помощи. Я вовсе не собираюсь оставаться тут навсегда.

Юра подошел к академику и продолжал с нескрываемой тревогой:

— Мне не хочется доставлять неприятные минуты близким. Ведь о нас, вероятно, уже сильно беспокоятся.

Академик вспомнил, что у него тоже имеется семья и близкие друзья. Но в то же время ему очень хотелось совершить путешествие по Десятой.

— Вы правы, — сказал он, — но как же быть?

— Очень просто, Михаил Сергеевич. Вы отправитесь в экскурсию, а я попрошу, чтобы меня доставили к планетоплану...

— А если попросить, чтобы планетоплан доставили к вам? — возразил академик.

— Нет уж, лучше я сам. Еще переломают что-нибудь. Тогда и не выберемся... Ведь это мой первый дальний экспериментальный полет. Нет, я сам. Впрочем, от такого разделения экскурсий по Десятой только выиграем: каждый из нас сделает свои наблюдения, потом мы обменяемся впечатлениями...

— Понятно, — согласился академик.

В комнату вошли двое уже знакомых им обитателей Десятой.

Академик никак не мог отделаться от впечатления, что старший удивительно похож на профессора Лариона Петровича, находившегося в это время на Третьей планете. Впрочем, это впечатление очень помогло академику: он преисполнился теми же чувствами старой дружбы, которая в течение многих лет связывала его с земным профессором, директором Физического института.

Юра объяснил вошедшим свое желание. Академик при этом узнал имя старшего. Оно доставило ему новое удовольствие. Он несколько раз произнес вслух:

— Лари... Лари...

И вот Юра ушел вместе с младшим. Они отправились разыскивать планетоплан. Академик остался с Лари.

— Мне поручено, — приветливо сказал Лари, — ознакомить вас с Зяльмэ. К сожалению, у нас в распоряжении мало времени. Дело в том, что как раз на сегодня у нас здесь назначено одно интересное мероприятие. Поэтому поспешим. Ваш спутник позже присоединится к нам. Вероятно, он не задержится...

Академик отлично помнил, как они вышли из комнаты, причем Лари продолжал свои объяснения. Они двигались по широкой, залитой солнцем дорожке, и академику почему-то показались знакомыми эти деревья, цветы

и приятно журчавшие фонтаны. Странно только, что ни одного обитателя Десятой, кроме Лари, не было видно.

И, как бы отвечая на мысли академика, Лари сказал:

— Мы идем как раз к тому месту, где вы впервые вступили на Зяльмэ. Это место сохранило обстановку и предметы давно прошедших времен, когда...

— Когда здесь зверствовали обезьяны? — спросил академик.

— Я не знаю, что такое обезьяны, — пожал плечами Лари. — Те существа, которые вы видели в световых записях фактов, раньше тоже были людьми.

— Тогда они выродки! — воскликнул академик и объяснил в нескольких словах то, что знал о происхождении видов на Земле.

— Мы называем их подчеловеками, — сказал Лари. — Теперь их не существует. Они населяли местность, которую наши историки называли «Страной безумных людоедов». С тех пор Зяльмэ тысячу раз совершила свой путь вокруг этой крошечной звезды...

Лари показал на солнце.

— Зяльмэ тогда была густо населена. Все жили довольно мирно, и каждое племя занималось своим делом. Но безумцы захотели овладеть всей поверхностью нашей планеты. Вы спросите: «Почему?» Достоверно, что среди них один за другим появлялись вожаки, которые внушали, будто бы на Зяльмэ должны властвовать лишь они, обезьяны, а все остальные обязаны стать их вечными рабами.

— Какая мерзкая глупость! — возмутился академик. Он нервно передернул плечами.

— Каждый человек скажет то же самое, что и вы, — отозвался Лари. — Но внушение это вытекало из диких пережитков далекого прошлого и падало на благодарную почву недалеких разумом существ. В сущности, они были ленивы и тупоумны. Развитие их остановилось на стадии, когда смысл существования сводился к одной цели — пользоваться плодами чужих трудов. Больше того: в их развитии наступил определенный регресс. Они сохранили некоторые черты прежнего облика, но всей их внутренней сущностью начали владеть далекие примитивные инстинк-

ты первобытных хищников. Инстинкт разрушения и жестокость овладели этими извергами. Они перестали быть безобидными — они сделались подчеловеками. Они вторгались в окрестные страны. Они пользовались разнообразными средствами истребления, придумывая все новые и новые жестокости. Сначала они завоевали часть планеты. Их страна была в течение столетий источником войн. В годы после полученных поражений они прикидывались мирными, они обманывали миролюбивые племена, ссорили их между собою, и основной их план — истребить остальных по одиночке — не сразу стал очевидным для всех. Ровно триста лет назад безумные людоеды начали всепланетную войну. В течение долгого времени происходили кровопролитнейшие сражения. Наконец все разумные существа объединились против подчеловеков. Наши предки очень любили свободу. Они работали для победы, не зная отдыха...

— И они победили? Каким образом? — спросил академик, слушавший Лари с величайшим вниманием.

— Вы это сейчас увидите, — ответил Лари. — Мы как раз пришли к тому месту, где я вам сумею это показать.

Они стояли на площадке, окруженной знакомой академику низкой изгородью. Лари подвёл академика к перилам.

— Перед вами световая запись исторических фактов в их движении. Мы можем воссоздавать их в том виде, как они происходили в действительности давным-давно.

— Я уже видел ваше изумительное кино, — заметил академик.

Лари вопросительно посмотрел на него:

— Не понимаю. Что такое кино?

Академик объяснил принципы и устройство киноаппаратуры. Лари покачал головою:

— Ну, это несколько иная вещь. Когда-то и у нас пользовались световыми лучами для подобных целей. Но теперь... Совершенно новый подход к явлениям света был разработан нашими учеными во время всепланетной войны. Один из них изобрел способ делать днем целые зоны невидимыми для врагов. Это оказалось возможным благодаря тому, что источники световых волн, световые части-

цы, представляют очень благодарный материал для совершенно новых применений, которых люди до того не знали. Да посмотрите сами...

Перед академиком раскрылась картина, которую он называл кинофильмом, а Лари — световой записью исторического факта.

Подчеловеки двигались по дороге. Они содрогались от ужаса.

— Вы видите, — сказал Лари, — отряд врагов, отправившийся для уничтожения людей. Но эти людоеды — в ловушке. Каждый кусок пространства грозит им смертью.

И действительно, академик увидел, как людоеды по одному, по-двое падали, поражаемые невидимым оружием.

— За каждым камнем, за каждым деревом их ждала карающая рука возмездия... Посмотрите... Я сделаю для вас видимыми зоны, невидимые в то время для врагов человечества...

Отряд людоедов, оказывается, был окружен людьми, которые со всех сторон посылали огненные потоки в обезьяноподобных.

— Их уничтожали, как отвратительных гадов, — пояснил Лари. — Видите, как они бегут? Они были загнаны в глубокую долину среди высоких гор и там оцеплены, как когда-то оцепляли очаг заразы. И они, пораженные одичанием, как болезнью, были там уничтожены. Видите, люди очищают воздух после этих выроdkов.

— Но как было достигнуто это? — воскликнул академик, показывая на мощные потоки огня, обрушивающегося на обезьяноподобных подчеловеков.

— Творческим трудом, — ответил Лари. — Труд возвысил нас над животными. И каждый, кто пренебрегает трудом, кто хочет существовать за счет награбленного, неизбежно начнет превращаться в животное. Видите, в каких грязных зверей превратились эти погромщики? — кивнул Лари на подчеловеков. — А теперь взгляните, как самоотверженный труд на общую пользу облагораживает нас...

И академик увидел сначала поросшие диким кустарником пространства. Сюда приходили люди. Они очищали пространства, и стройные здания начинали выситься

здесь. Академик видел просторные залы, наполненные гудящими машинами. Около них трудились люди, сосредоточенные и серьезные. Они ковали металл. Бесконечные ряды готовых изделий в штабелях тянулись всюду, куда бы ни взглянул академик. И тут же рядом, близко, видел он человеческие лица — мужчин, женщин, стариков, подростков, суровые лица занятых своим делом людей. Он понял, что люди здесь куют оружие победы.

Чем дальше шел академик, тем быстрее двигалась и работа людей. На их лицах появлялись спокойствие и уверенность. Академику захотелось самому стать рядом с этим крепким молодым парнем, который вытаскивал из раскаленного горна пышущий жаром кусок металла, тоже взять в руки молот и так же ударить, чтоб огненные искры фейерверком взвились вверх. Но Лари вел его вперед без остановки. Теперь на лицах людей академик видел радость. Он прочитал в их глазах выражение доблести и геройства.

— Победа? — спросил академик.

— Да. Подчеловеков теперь нет на поверхности нашей планеты. После победоносного окончания всепланетной войны люди труда, наши предки — отцы и деды-победители — вынесли всеобщее решение жить в вечном мире. Постановили также устроить особый музей. Средний возраст человека у нас сто лет. Музей должен был существовать столько времени, чтобы три поколения видели все ужасы войны, затеянной безумными людоедами, и чтобы прониклись отвращением к ним. Надо было показать людям, что ожидало их, если бы здесь восторжествовали взбесившиеся подчеловеки...

— Я видел ваши записи фактов, — задумчиво и медленно произнес академик, вспомнив то, чему когда-то был свидетелем на Земле. — Они очень поучительны.

— Сегодня как раз последний день существования этого музея. Люди триста лет назад сделали вывод, как надо по-настоящему жить, и три поколения воспитаны надлежащим образом, — сказал Лари. — Сегодня последнее напоминание о подчеловеках — этот музей ужаса будет уничтожен. Мы с вами единственные, кто сегодня допущен сюда. Но пора. Мне хочется познакомить вас с нашими друзьями. Мы здесь все друзья. Вы увидите их

на торжестве. Ведь на месте уничтоженного ужаса мы начнем строить город Счастья.

— Я хочу поскорее увидеть строителей этого города! — с большим волнением воскликнул академик.

XXI

Воздушная ладья медленно плыла над поверхностью Десятой. Академик смотрел вниз и прикладывал к глазам бинокль. Он не видал громадных дымных скопищ строений. Ему казалось, что под ним гигантский ковер, затканый извилистыми лентами рек, а разноцветные пышные сады и роши — праздничные букеты. И среди них поднимались расписные, блещущие на солнце купола зданий и стрельчатые остроконечные башни.

В бинокль он видел, как по дорогам шли люди. В том же направлении двигались и переполненные людьми воздушные экипажи.

— Вот здесь мы увидим все, — сказал Лари, помогая академику выйти из снизившегося экипажа, который академик назвал ладьей. Он не мог придумать иного названия этому виду воздушного транспорта.

С высокого холма увидел академик изрытое, заваленное камнями обширное пространство. Вокруг него среди насаждений вились дорожки, связывавшие между собою площадки. Академик узнал в одной площадке тот треугольник, где вместе с Юрой познакомился со страшными картинами прошлого Десятой.

Ласковое солнце плыло над вершинами снежных гор. Девушки и дети стояли на холме почти рядом с академиком и напряженно смотрели вдаль. На противоположной стороне на одном из утесов появились люди. Казалось, ими был подан какой-то знак. И вдруг настала такая тишина, что академик услышал биение своего взволнованного сердца.

Со стороны скалы слышался громкий неторопливый голос.

Академик мог разобрать только слова:

— ...исчезнет последний след, последнее воспоминание о Звере. Да будет!

Академик всплеснул руками. Он увидел, как в окрест-

жающих горах открылись большие шлюзы. Хлынули буйные воды. Они огромными каскадами свергались с бирюзовых скал, блестя перламутровыми искрами. Они разрушали изгороди и площадки, смывали черные напластования пепла с полей бывших сражений, уносили вдаль остатки орудий смерти и пыток.

Звучала далекая музыка, и ей подпевали все, кто стоял рядом с академиком. И вот бурный поток очистил все пространство в долине. Академик видел, как вниз сбегали люди. Появились невиданные машины, и почва в долине начала покрываться нежной зеленью травы, пестрыми полевыми цветами. И причудливые силуэты острых башенок, купола невыразимой красоты зданий поднялись из этого моря зелени.

— Спустимся к новому городу, — предложил Лари. — Он уже строится.

— Идем.

Лари начал быстро спускаться по широкой лестнице, которую только теперь заметил академик.

С холмов по мраморным ступеням шли к новому городу Счастья люди. Одна девушка с пышными золотистолыняными волосами дотронулась до руки академика:

— Что же вы стоите, друг? Ну, скорее...

Она быстро сбежала по нескольким ступенькам, остановилась, обернулась и сделала приветливый жест, приглашая академика идти в город.

Он шагнул к лестнице, но кто-то остановил его за плечо.

Это был Юра.

— Я еле разыскал вас, Михаил Сергеевич, — проговорил он.

— Что случилось? — пробормотал академик.

— То, чего я опасался, — быстро заговорил Юра. — Когда мы прилетели с вами сюда, сторожа музея заметили нас. Они все время следили за нами. Они ведь тут умеют делаться невидимками. Я это предчувствовал. Помните, мне показалось, что обезьяна преследует меня? Это была не обезьяна, а невидимка. Когда я пошел искать вас, они открыли фотонгольдер, и часть энергии улетучилась. Теперь у меня еле хватит дотянуть до Третьей. Опасаюсь, что мотор поврежден и возможна утечка. Надо спешить.

— Но, может быть, Лари поможет нам? — растерянно произнес академик.

— Никто из здешних не поможет, — нервно махнул рукой Юра. — Станные они люди. Рты разинули, когда я им заикнулся о движущей силе фотонов. Они еще не додумались до этого. А в некоторых других областях они необычайно сильны. Ведь наш язык они постигли мгновенно, уяснив себе его основные законы. Когда мы прилетим сюда вторично, придется как следует разобраться в их достижениях. Сутки они делят на тридцать шесть часов, а круг не на триста шестьдесят градусов, как у нас на Третьей, а на двести сорок. Спрашиваю: почему? Смеются, отвечают, что так удобнее. Поэтому нам и нельзя здесь оставаться ни минуты лишней. Я не сумею вычислить орбиты обратного пути. По их системе это займет слишком много времени... А мы, повторяю, должны спешить.

— Они выстроили здесь город Счастья, Юра, посмотрите, — тихо отозвался академик.

Но Юра снова отмахнулся:

— Я после посмотрю, в другой раз. Да вы не огорчайтесь, Михаил Сергеевич. Честное слово, мы у себя на Третьей еще лучше городов настроим. — Он оглянулся: — Вы пока потихоньку двигайтесь отсюда вон туда. А я побегу и подручу планетоплан поближе. Только бы вовремя отстартовать...

Юра побежал к планетоплану.

Академик остался один и тихо пошел, куда указал Юра. Он взглянул вниз, и ему показалось, что у него под ногами обыкновенная добротная земля, родной северный суглинок. И вдруг академик почувствовал невыразимую тоску по далекой Третьей планете, по милой, родной Земле. Он затосковал по прохладному осеннему вечеру, когда бредешь бездумно и счастливо по влажной тропинке мимо лесной опушки. Остро пахнет терпким перегноем и грибами. А впереди поле с потемневшими скирдами ржи. Пролетели зобастые грачи... Бредешь домой с ружьишком за плечами, и хорошо делается на душе, когда увидишь, как в сумерках где-то затеплился далекий огонек. Вот со стороны потянуло жильем, смолистым дымком. Взглянешь вверх, а там над верхуш-

ками сосенок задорно вспыхивает и смеется первая звездочка...

Затосковал академик по музыке Чайковского, по величественным залам картинных галлерей, по институту, по родному дому на широком проспекте, по родным людям. Захотелось увидеть семью, дочь, земного Лариона Петровича. Он будет слушать рассказ о путешествии, поправлять очки на носу и откашливаться басом: «Кха, кха... Исчезновение среди бела дня? Мистификация-с!»

Страстно захотел академик увидеть свой город, неповторимый и бессмертный. Тот город, которым он так часто любовался, глядя с горы, где Астрономический институт. И академик ускорил шаги...

XXII

Теперь свист и грохот фотонового джаза не ошеломили академика. Планетоплан описывал свою полуорбиту вокруг Солнца с обычной быстротой, которая уже стала привычной для академика. Он молчал. Только задумчивая улыбка показалась на его лице.

— Юриссимус... Вероятно, мы задержимся на Третьей.

— Почему?

— Вам придется кое-что переделать в ваших вычислениях. Дело в том, что люди на Десятой умеют изящнее и экономнее расходовать электроны. Они прекрасно овладели техникой использования световых волн. Как ловко они пользуются явлением интерференции! Подумайте...

— Я буду думать после, — пробормотал Юра. — Не мешайте. Эх!..

Академика встряхнуло на сиденье.

— Что такое? — крикнул он.

— Не говорите под руку... Чуть было мимо не промахнули, — отрывисто бросил Юра. — Стоп!

Тугие шины планетоплана мягко прошелестели по асфальту. Юра любезно помог выбраться академику. Тот узнал очертания своего института. Свежая осенняя ночь заставила ученого вздрогнуть. Он торопливо взбежал по ступенькам, на ходу заметив, что в ассистентской горят лампы.

Они прошли мимо дремлющего вахтера. В кабинете уютно светила настольная лампа.

— Благодарю вас, — сказал Юра у двери.

— До свиданья, Юриссимус. Вы спешите?

— Я хочу явиться домой возможно скорее. Жена так беспокоится, когда я делаю экспериментальные полеты.

Академик пожал руку Юры:

— Передайте мой искренний привет...

Юра взялся за ручку двери.

— Пожалуйста, пока никому не говорите о нашем путешествии. В следующий раз мы возьмем с собой весь научный инвентарь.

Он скрылся за дверью.

Академик подошел к окну и слегка раздвинул драпри, чтобы взглянуть на отлет планетоплана. Ему показалось, что силуэт человека сбежал по ступенькам к силуэту авто. Академик закрыл глаза, боясь, что взрыв фотонов ослепит его... Но ни малейшего отблеска не последовало. Лишь скупое подмигивали равнодушные звезды. Кажется, накрапывал дождь.

Скрипнула дверь. Кто-то вошел в кабинет. Вероятно, Юра забыл что-то сказать академику и вернулся.

— Это вы, Юра? — спросил академик.

— Это я, — ответил знакомый голос.

Академик быстро обернулся. У дверей в полумраке стояла Татьяна Юрьевна.

— Вы просили напом... — начала было она и тут же слегка попятилась к двери, смущенная несколько странным поведением академика.

Даже дослужившись к 1981 году до звания заслуженного деятеля науки, Татьяна Юрьевна не могла забыть, как в тот памятный момент академик дико взглянул на нее, затем, будто ужаленный пчелой, вдруг стремительно бросился к столу и схватил чашку с чаем дрожащими руками. Это совсем не было похоже на обычные манеры Солнцева.

Но Татьяна Юрьевна так никогда и не узнала, что взволновало Михаила Сергеевича.

Академик изумленно смотрел на чашку. Она была до краев налита теплым, не успевшим остыть чаем.

Взгляд его упал на хронометр. Он, целешенек, находился на своем месте, на кисти левой руки. Академик не слышал Татьяны Юрьевны, которая что-то рассказывала о новых мощных прожекторах, которые сейчас пробуют наши моряки на взморье. Академик не верил своим глазам.

Хронометр показывал точно одиннадцать часов сорок пять минут.

Путешествие академика на Десятую планету длилось ровно одну минуту.

ОТ АВТОРА

Посмотрите в темную безоблачную и безлунную ночь на небо. Вы увидите громадное количество звезд. Невооруженным глазом их можно насчитать не более пяти тысяч. В бинокль вы увидите гораздо больше звезд. Знаменитый ученый Галилей (1564—1642) посредством самодельной трубы с увеличением в тридцать два раза сделал много замечательных наблюдений над Луной и звездами.

Наука о законах движения небесных светил, об их составе, происхождении, развитии и судьбе называется астрономией. Это слово составлено из греческих слов «астрон» — звезда и «номос» — закон.

Ученые изучают звезды посредством различных астрономических приборов, среди которых имеются очень большие трубы — телескопы или рефракторы. В 1919 году в США в обсерватории на горе Маунт-Вилсон построен телескоп-гигант. Увеличительное стекло его имеет в поперечнике сто дюймов. Этот телескоп собирает в сто шестьдесят тысяч раз больше света, чем человеческий глаз. Труба телескопа имеет в длину 13 метров.

Советский ученый-оптик Д. Д. Максutow недавно сконструировал менисковый телескоп. Этот астрономический инструмент совершенно нового типа представляет собою замечательное изобретение. Вместо обычных двояковыпуклых увеличительных стекол Максutow применил так называемые мениски, то есть увеличительные стекла, у которых одна сторона выпуклая, а другая вогнутая. Оказалось, что такой телескоп дает изумительно четкие изображения светил, гораздо лучше и отчетливее, чем любой из современных телескопов. Самое же существенное то, что

менисковый телескоп меньше, компактнее и гораздо дешевле.

Астрономия — очень интересная и увлекательная наука. Из нее можно узнать много необычайных, но совершенно точных фактов. Например, температура в глубине Солнца равна 20 миллионам градусов. Если бы удалось нагреть булавочную головку до такой температуры, то жар мгновенно испепелил бы всё на 1 500 километров вокруг. Еще пример. Каждый луч света обладает массой, правда очень маленькой. Как всякая масса, она должна иметь определенный вес. Астрономы подсчитали, что электрическая лампочка в 40 свечей излучит 1 грамм массы вещества, если будет непрерывно гореть в течение 70 тысяч лет. А сколько же вещества излучает наше Солнце, такое громадное и сверкающее? Каждую секунду Солнце излучает и теряет примерно 4 миллиона тонн своего вещества. Следовательно, сию секунду, в которую вы читаете это слово, Солнце весит на 360 миллиардов тонн меньше, чем вчера в то же самое время. Но это не страшно. Солнце такое огромное, что оно потеряет в весе столько, сколько весит Земля, лишь через 46 миллионов лет.

Когда говорят о планетах, обращающихся вокруг Солнца и других звезд-солнц, то невольно возникает мысль: есть ли на других планетах жизнь и разумные существа, как на Земле? Неужели только Земля — единственное место во вселенной, пригодное для жизни?

Твердое убеждение, что Земля не является единственным обитаемым небесным телом во вселенной, возникло очень давно. Еще две тысячи лет назад греческий мудрец Митродор сказал:

«Считать Землю единственным обитаемым миром было бы столь же вопиющей нелепостью, как и утверждать, что на громадном засеянном поле может вырасти только один единственный пшеничный колос».

Джордано Бруно (1548—1600), один из величайших мыслителей-астрономов, написал замечательную книгу «О бесконечности вселенной и о мирах». Впервые она была издана в Лондоне в 1584 году. У нас в 1936 году вышел перевод ее. Джордано Бруно излагает изумительно смелое учение о бесконечности вселенной и множественности обитаемых миров. Мы читаем в его книге:

«Существуют бесконечные земли, бесконечные солнца

и бесконечный эфир... Все эти различные виды объединяются и составляют целую и бесконечную вселенную. Части бесконечного также бесконечны... На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их... Мы видим солнца, которые более велики или даже бывают величайшими, но не видим земель, которые, будучи гораздо меньшими телами, невидимы для нас...»

Современные астрономы выражают эту мысль так: «Мы видим звезды, но не видим их темных спутников, то есть планет, обращающихся вокруг солнц этих бесчисленных звезд бесконечной вселенной». Работы шведского астронома Хольмберга в 1939 году показали полную вероятность мысли Бруно. Уже доказано, что у ближайших к нам звезд существуют темные спутники, подобные планетам нашей солнечной системы. Некоторые исследователи планеты Марс — Ловелл, Стовичек и другие — приходят к выводу, что на ней имеются условия для жизни.

Поэтому мечта академика Солнцева самому побывать на другой планете, где живут, работают, борются за свободу и счастье живые существа, имеет основания. Движение науки вперед немыслимо без мечты, без творческой фантазии. Но серьезная научная мечта строится на предвидении возможностей. Когда наступают благоприятные исторические условия, кажущаяся невозможной мечта становится реальной действительностью. Солнцев не придумывал для своей планеты особых условий. Поэтому его Десятая обладает в основном условиями, сходными с условиями Третьей. Нечего говорить, что в действительности такой планеты, как Десятая, нет.

Как попасть с Земли на другую планету? Солнцев астроном, а не инженер. Поэтому его мечта не останавливалась на технических подробностях межпланетного путешествия. Его мечта о планетоплане подобна мечте людей об авиации до изобретения мотора и самолета. Прежняя красивая мечта о путешествии по воздуху превратилась теперь в повседневную действительность. Точно так же и мечты о межпланетных сообщениях непременно осуществятся в будущем. Для того чтобы оторваться от Земли и преодолеть силу земного притяжения, межпланетному летательному аппарату надо иметь начальную скорость не менее 12 километров в секунду. Нет сомнения, что наука и техника добьются этого. Открытия новых источников

энергии, а может быть, использование фотонов также помогут осуществлению мечты, которая направляла творческие мысли и работы нашего замечательного ученого К. Э. Циолковского, изобретателя и конструктора ракетных двигателей.

Никакой Десятой планеты нет. Путешествие академика Солнцева — лишь его астрономическая мечта. Эту мечту он переживает в состоянии кратковременного, так называемого неполного или частичного сна, каковым, согласно научным данным, и является именно сон со сновидениями. Установлено, что материалом для возникновения образов сновидений могут служить бодрственные интересы и впечатления. Академик И. П. Павлов в своих классических лекциях «О работе больших полушарий головного мозга» устанавливает:

«Сновидение есть следовое и притом большею частью давнее раздражение» (23-я лекция).

Рядом ученых установлено также, что в сновидениях наряду с бессвязностью, отрывочностью, противоречивостью и случайностью сочетаний сохраняется способность к высшей психической деятельности — к остроумию, творчеству, к ценным умозаключениям и т. д.

Известно, что знаменитый французский баснописец Лафонтен написал интересную басню в состоянии одной из форм частичного сна.

Переживания Солнцева — это естественные переживания советского ученого-патриота, глубоко прочувствовавшего и помнящего эпоху Великой Отечественной войны. Через пятнадцать лет, в 1956 году, эти давние впечатления и чувства владеют им.

Несомненно, что такие мысли, настроения и чувства советских людей надолго останутся сильными и глубокими.

В изучении различных форм неполного сна и сновидений физиологами и психологами сделаны пока еще первые шаги.

Вот, мне думается, область, где художественное творчество писателя может помочь науке.

С. Беляев

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ

К стр. 8

Гипотеза — научное предположение.

Джинс и Эдингтон — известные английские физики и астрономы. Рассель — американский астроном.

К стр. 9

Цефеиды — переменные звезды, периодически меняющие свою яркость.

К стр. 17

Софизм — ложный вывод, которому остроумно приданы внешняя правдивость и убедительность.

К стр. 18

Атом — мельчайшая частица любого вещества, дальнейшее раздробление которой влечет за собой изменение свойств вещества.

К стр. 44

Телемеханика — механическое воздействие на расстоянии.

К стр. 58

Регресс — противоположность прогрессу, движение вспять, отсталость, упадок.

К стр. 65

Интерференция — усиление или ослабление колебаний, получающихся при встрече двух или нескольких волн. Явления этого рода наблюдаются для волн на поверхности жидкости, для звуковых и электромагнитных волн, в том числе и световых.

Для среднего и старшего возраста

Ответств. редактор *М. Поступальская*. Худож. редактор *Б. Дехтерев*. Технич. редактор *Р. Кравцова*. Подписано к печати 9/X 1945 г. 5 п. л. (3,75 уч.-изд. л.). 34 272 зн. в п. л.
Тираж 45 000 экз. А 21953. Заказ № 693. Цена 3 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суцевский вал, 49.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 3 руб.